

ДЕТЕКТИВЫ
СЕБАСТЬЯНА ЖАПРИЗО

**ДАМА
В АВТОМОБИЛЕ,**

С РУЖЬЕМ И В ОЧКАХ

Sebastiano

ЛИМБУС ПРЕСС

Себастьян Жапризо
Дама в автомобиле, с ружьем и в очках

Sébastien Japrisot

LA DAME DANS L'AUTO AVEC DES LUNETTES ET UN FUSIL

Перевод с французского Марианны Таймановой

© Editions DENOEL, 1966

© ООО «Издательство К. Тублина», 2019

© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2019

© А. Веселов, оформление, 2019

Предисловие

– *Считаете ли вы себя, прежде всего, автором детективов?*

– «Купе смертников» и «Ловушка для Золушки» получились детективными романами только потому, что до того, как я начал их писать, было оговорено, что они выйдут в серии детективов.

Что касается «Дамы в автомобиле...», то она должна была издаваться в этой же серии, но оказалась слишком велика по объему.

Все три книги были неправильно восприняты: критики детективных романов сочли их излишне литературными, критики просто романов – излишне захватывающими.

По крайней мере, так они говорили.

– *Можно ли сказать, что «Дама в автомобиле...» – это приключение женщины, ищущей саму себя?*

И невероятное приключение, которое она переживает, понемногу начиная понимать, что становится другой, на самом деле лишь испытание, позволившее ей вернуться к своей сущности и, в какой-то степени, состояться?

– Простите. Вернуться к своей сущности, состояться – французские слова, но я не улавливаю их смысла. Насколько я помню, у Дамы в автомобиле и без того хватает проблем, чтобы придумывать себе новые.

Это у меня, когда я писал эту книгу, возникла проблема. С момента издания «Купе смертников» и «Ловушки для Золушки» прошло два года. Многие знакомые уже стали думать, что третья книга так никогда и не выйдет, поскольку, как они утверждали, восхваления, выпавшие на долю двух первых, повергли меня в состояние прострации. Это неправда, я никогда не бываю согласен с тем, что говорят – неважно, хорошо или плохо – о том, что я пишу, но в

какой-то мере это так – мне хотелось, чтобы эта книга была лучше двух предыдущих.

И, как я уже сказал, мне потребовалось больше времени, чтобы ее написать, я был сосредоточеннее, больше старался. А когда стараешься, то и вкладываешь больше. Наверное, поэтому создается впечатление, что в этой книге есть нечто иное, чем просто поиск убийцы.

Однажды глубокой ночью – я уже работал часов пятнадцать кряду-дома все спали, да и все на свете спали. Мне хотелось дописать главу, но ничего не получалось, меня уже тошнило от слов, сигарет и от совсем-немножко-алкоголя-только-чтобы-взбодриться. Тогда, пытаясь сдвинуться с мертвой точки, я написал фразу, которая звучала примерно так: «Продолжай, пусть у тебя осталась всего-навсего правая рука и разбитое сердце, но все равно не останавливайся, не задавай себе лишних вопросов». Я не стал вычеркивать эту фразу, она осталась в книге. То есть я хочу сказать, что я в этой книге тоже присутствую.

– Это правда, что вы испытываете особую нежность к юным созданиям, неуверенным в себе, что в ваших романах прослеживается их взросление?

– Да, правда. Я очень люблю подростка, каким когда-то был. Или, скажем так, в себе мне нравится именно тот подросток, которым я был. Я уже говорил, что стараюсь оставаться им как можно дольше. Если то, что я пишу, или сам процесс письма возвращает меня к нему, если я вновь становлюсь им, значит, это время потрачено наименее бездарно и впустую.

Дама в автомобиле – моя любимая героиня. Мне с ней никогда не было скучно. Она совершенно не понимает, что с ней происходит, что замечательно для литературного героя, тогда все выглядит на редкость правдиво. Кроме того, обычно я знал о том, что произойдет, раньше нее, а это страшно вдохновляет. Женщина,

которая позволяет мужчине думать, что он умный, – большая редкость.

Когда я дописал последнюю строчку, то даже пожалел, что все кончено, что теперь она отправляется в самостоятельную жизнь уже без меня. А потом сказал себе, что однажды, так или иначе, я снова с ней встречусь. И вот это произошло, потому что с ней встретится читатель. А может быть, откроет ее для себя.

Дама

Я никогда не видела моря.

Черно-белый кафельный пол колыхается волнами в нескольких сантиметрах от глаз.

Мне до смерти больно.

Но я жива.

Когда на меня набросились – нет, я не сошла с ума, кто-то или что-то действительно набросилось на меня, – я подумала, что никогда не видела моря. Уже много часов мне было страшно. Страшно, что меня арестуют, просто страшно. Я придумывала себе кучу дурацких оправданий, а это – самое дурацкое из всех, что пришли мне на ум: не бейте меня, я правда ни в чем не виновата, я только хотела увидеть море.

Я знаю, что кричала, кричала изо всех сил, но эти крики так и не вырвались у меня из груди. Меня оторвали от пола, меня душили.

Я продолжала кричать, но при этом думала: все это неправда, ужасный сон, я проснусь утром у себя в комнате.

А потом еще это.

Заглушая все крики, да, я это слышала: хруст костей собственной руки, мне ломали руку.

Боль не бывает ни черной, ни красной. Это колодец слепящего света, и существует он только у вас в голове. И все-таки вы проваливаетесь в него.

Лоб холодят кафельные плитки пола. Наверное, я во второй раз потеряла сознание.

Не шевелиться. Главное, не шевелиться.

Нет, я не лежу, а стою на коленях, согнувшись пополам, прижимаю к животу пылающую огнем левую руку, пытаюсь унять боль, раздирающую плечи, затылок, поясницу.

Сквозь упавшие мне на глаза пряди волос я вижу, как прямо перед моим лицом по белой плитке пола ползет муравей. Чуть дальше – что-то серое и вытянутое вверх, вероятно, слив раковины.

Мне кажется, я не снимала очки. Скорее всего, они слетели, когда меня волокли назад, я не сошла с ума, кто-то или что-то волокло меня назад, зажав мне рот, чтобы я не кричала, – нужно найти очки.

Сколько времени я стою на коленях в темном крохотном закутке размером три шага на два? Уже много часов или всего несколько минут? Я никогда в жизни не теряла сознания. Это даже не провал в памяти, а так, небольшое выпадение.

Если бы я находилась здесь очень долго, там, снаружи, забеспокоились бы. А вообще-то я стою перед раковиной, прижав к щеке правую руку – она еще влажная.

Нужно найти очки, нужно встать на ноги.

Когда я поднимаю голову – резко, слишком резко, – плитка начинает кружиться, я боюсь, что снова потеряю сознание, но все стихает – и шум в ушах, и даже боль. Она вся переместилась в левую руку, на которую я даже не смотрю, но, кажется, она стала каменной и страшно распухла.

Зацепиться правой рукой за раковину и подняться.

Я на ногах, мое расплывчатое отражение перемещается вместе со мной по зеркалу, висящему напротив, мне кажется, время возобновило свой ход.

Я знаю, где нахожусь: туалет на бензозаправке на шоссе в Авалон. Я знаю, кто я такая: идиотка, удирающая от полиции, – лицо в зеркале, к которому я тянусь и почти касаюсь, рука, горящая от боли; я поднимаю ее на уровень глаз, чтобы разглядеть поближе, слеза, скатившаяся по щеке и упавшая мне на руку, прерывистое дыхание в этом странно притихшем окружающем меня мире.

Когда я вошла, то положила сумку у зеркала, в котором вижу себя. Сумка по-прежнему здесь.

Я с трудом открываю ее, одновременно правой рукой и зубами, ищу вторую пару очков, те, в которых печатаю на машинке.

Теперь мое лицо в зеркале становится четче, оно в пыли, заплаканное, искаженное страхом.

Я боюсь снова взглянуть на левую руку, прижимаю ее к себе, к своему белому перепачканному костюму.

Входная дверь закрыта, хотя, войдя, я оставила ее приоткрытой.

Я не сошла с ума. Я поставила машину, попросила, чтобы налили полный бак. Хотела причесаться, помыть руки. Мне указали на небольшой домик с белеными стенами неподалеку от заправки. Внутри было так темно, что я не стала закрывать дверь. Я не знаю, случилось ли это сразу, или я все-таки успела причесаться. Помню только, что открыла кран, вода была прохладной – ну, конечно, я причесалась, теперь я уверена! – а затем какое-то дуновение воздуха, кто-то рядом, что-то живое и враждебное позади меня. Меня оторвали от пола, я кричала изо всех сил, но крики не вылетали из груди, я не успела понять, что происходит, боль, вонзившаяся в руку, сразила меня полностью, я стояла на коленях, я была одна. Я по-прежнему здесь.

Еще раз открыть сумку.

Деньги на месте в конверте с логотипом нашего агентства. Ничего не взяли.

Полный абсурд, это невозможно!

Я пересчитываю купюры, сбиваюсь, начинаю сначала, у меня падает сердце: никто не собирался красть мои деньги или что-то еще, единственное, что они хотели – я сошла с ума, я сойду с ума, – это сломать мне руку.

Я смотрю на свою левую руку, опухшие, посиневшие пальцы и вдруг не выдерживаю, прислоняюсь к раковине, снова опускаюсь на колени и начинаю выть. Я буду выть, как зверь, до скончания века, буду выть, рыдать и колотить ногами до тех пор, пока кто-нибудь не придет сюда и пока я не увижу дневной свет.

Я слышу торопливые шаги снаружи, голоса, скрип гравия.

Я вою.

Дверь рывком распахивается, открыв ослепительный мир.

Июльское солнце не сдвинулось со своего места над холмами. Вбегают люди, склоняются надо мной, говорят хором – я их уже видела, когда выходила из машины. Я узнаю хозяина станции, двух клиентов, наверное, они местные, тоже остановились здесь по пути заправиться.

Пока мне помогают подняться, я рыдаю во все горло, но внезапно замечаю одну дурацкую деталь: из крана по-прежнему течет вода. А ведь только что я этого даже не слышала. Мне хочется закрыть этот кран, я должна его закрыть.

Те, кто наблюдает за мной, не могут ничего понять. Ни то, что я не помню, как долго здесь была. Ни то, что у меня две пары очков: они протягивают упавшие на пол и заставляют десять раз кряду повторить, что они мои. Они твердят: «Ну успокойтесь же, успокойтесь», – принимая меня за сумасшедшую.

Снаружи так светло, так спокойно, так чудовищно реально, что мои слезы разом высыхают. Такая же автозаправочная станция, как все остальные. Бензоколонки, гравий, белые стены, аляповатый рекламный плакат в окне, живая изгородь из бересклета и олеандра. Шесть часов летнего вечера. Как я могла орать и кататься по полу?

Машина стоит там, где я ее поставила. Увидев ее, я испытываю тот же страх, который появился во мне, когда все это произошло. Меня начнут расспрашивать, допытываться, откуда я еду, что случилось, я буду врать, они догадаются, что я что-то скрываю.

На пороге конторы, куда меня ведут, стоит женщина в синем переднике и девчушка лет шестисеми, они ждут меня, у них слегка взволнованные лица, но, скорее, их одолевает любопытство, как в театре.

Только вчера в такое же время маленькая девочка с длинными волосами, держа в руках куклу, смотрела, как я подхожу к ней. И вчера вечером мне тоже было неловко. Сама не понимаю, почему мне было неловко.

Нет, скорее, понимаю. Прекрасно понимаю. Я не могу вынести детского взгляда. Потому что там, в прошлом, за мной наблюдает

маленькая девочка, которой я когда-то была.

Море.

Если все сложится неудачно, если меня арестуют и придется представить – как это называется? – алиби, объяснение начать нужно будет именно с моря.

Это не будет вся правда, но я буду говорить долго, не переводя дыхания, со слезами в голосе, буду выглядеть простодушной жертвой мечты для бедных. Я напридумываю невесть что, лишь бы это звучало правдоподобно: приступы раздвоения личности, дедушки-бабушки, страдающие алкоголизмом, или что в детстве я упала с лестницы. Пусть я до смерти надоем тем, кто будет меня допрашивать, пусть они увязнут в потоке этой приторной чуши.

Я им скажу: я не отдавала себе отчета в том, что делаю, действовала как бы я и в то же время как бы не я, понимаете? Я-то думала, что это удобный случай увидеть море. Виновата не я, а та, другая.

Они мне наверняка ответят, что раз уж мне так хотелось увидеть море, то я давно уже могла это сделать. Всего-навсего взять билет на поезд и снять пансион на курорте Палава-ле-Фло, многие другие именно так и делают, и ничего – живы-здоровы, а кроме того, для этого придуманы оплачиваемые отпуска.

А я им скажу, что часто хотела поступить именно так, но не получилось.

Что, кстати, чистая правда. Каждое лето, вот уже шесть лет подряд, я пишу в туристическое бюро, в отели, получаю от них проспекты, останавливаюсь возле витрин с купальниками. Однажды я уже почти подошла к двери бюро, оставалось только нажать на кнопку звонка и купить летний тур. Две недели на пляже на Балеарских островах, включая авиабилет в оба конца и поездку в Пальму, а также оркестр, тренера по плаванию и яхту на все время пребывания там, ну а страховая компания «Юнион-Ви» гарантирует отличную погоду и все остальное; от одного взгляда на программу подобного отдыха

покрываешься легким загаром. Но понимаете, как хотите, каждое лето пол-отпуска я провожу в отеле под названием «Центральный», кстати, единственном в Монбриане (Верхняя Луара), а вторую половину – неподалеку от Компьеня у старинной школьной подруги, к ней в придачу «ее собственный» муж и глухая свекровь. Мы играем в бридж-белот^[1].

Это вовсе не означает, что я настолько дорожу своими привычками или так пристрастилась к карточной игре. И совсем не потому, что отличаюсь излишней робостью. Напротив, нужно обладать известной наглостью, чтобы привирать знакомым о своих пляжных впечатлениях в Сен-Тропе, когда возвращаешься из компьенских лесов. Короче говоря, я сама ничего не понимаю.

Я ненавижу тех, кто видел море, ненавижу тех, кто его не видел, похоже, что я ненавижу весь мир. Вот так-то. Похоже, я ненавижу саму себя. И если это что-то объясняет, я не стану спорить.

Меня зовут Дани Лонго. Точнее, Мари-Виржини Лонго. Я придумала имя Даниэль, когда была маленькой. Я лгу, как дышу. Сейчас мне бы больше подошло имя Виржини, но втолковать это другим нереально.

Мне двадцать шесть лет по паспорту, одиннадцать или двенадцать – по умственному развитию, сто шестьдесят восемь сантиметров роста, относительно белокурые волосы, но каждый месяц я их обесцвечиваю тридцатипроцентным раствором перекиси водорода, я не уродина, но ношу очки с дымчатыми стеклами, это моя дурацкая фишка: пытаюсь скрыть близорукость, хотя все уже давно ее заметили. А лучше всего я умею молчать.

Впрочем, я никогда ни с кем ни о чем толком не говорила, разве что: передайте мне соль. Правда, два раза все-таки попыталась, но потом оба раза жалела. Ненавижу тех, кто с первого раза не понимает, что их игнорируют. Ненавижу себя.

Я родилась в деревне во Фландрии, но в памяти остался только запах угля, смешанного с грязью, женщинам разрешалось собирать его возле шахт. Мой отец, итальянский эмигрант, работал на вокзале;

когда мне было два года, он погиб под колесами поезда, украв из вагона ящик английских булавок. Поскольку близорукость я унаследовала от него, то готова биться об заклад, что он просто не разобрал, что было написано на ящике.

Дело происходило во время оккупации, содержимое состава предназначалось немецкой армии. Несколько лет спустя отец был в какой-то мере реабилитирован. В одном из ящиков комода в память о нем хранится серебряная медаль с изображением девушки, разрывающей оковы, как ярмарочный силач. Всякий раз, когда я вижу, как на улице исполняют этот трюк, я думаю об отце, не могу не думать...

Но в нашей семье не все герои. После Освобождения, меньше чем через два года после гибели мужа, моя мать выбросилась из окна мэрии, когда ей обрили голову^[2]. От нее я ничего не храню. Если когда-нибудь я расскажу кому-то эту историю, то добавлю: не осталось даже пряди волос. И пусть на меня таращат с возмущением глаза, мне наплевать.

За два года я видела эту бедолагу всего два или три раза в приютской комнате для свиданий. Даже не могу сказать, как она выглядела. Бедолага – и выглядела, наверное, так же. Она тоже была родом из Италии. Звали ее Рената Кастеллани. Родилась в Сан-Аполлинаре, провинция Фрозиноне. Когда она умерла, ей было двадцать четыре года. Теперь моя мать моложе меня.

Обо всем этом я узнала из записи о моем рождении. Воспитавшие меня монахини не хотели рассказывать мне о матери. Получив аттестат зрелости и обретя независимость, я поехала в деревню, где мы когда-то жили. Мне показали участок на кладбище, где она похоронена. Я хотела накопить денег и что-то для нее сделать, например поставить памятник, но мне не разрешили, это была братская могила.

А вообще-то мне все равно.

Несколько месяцев я работала в Ле-Мане^[3] секретаршей на фабрике игрушек, потом в Нуайоне^[4] у нотариуса. Когда мне

исполнилось двадцать, я нашла работу в Париже. Я ее потом сменила, но в Париже живу до сих пор. Сейчас я получаю 1270 франков в месяц за вычетом налогов – печатаю на машинке, раскладываю папки, отвечаю на звонки, время от времени выбрасываю мусор из корзин для бумаг двадцати восьми служащих рекламного агентства.

Такая зарплата позволяет мне есть стейк с жареной картошкой на обед, йогурты и джем на ужин, одеваться примерно так, как я люблю, снимать студию на улице Гренель и каждые две недели забивать свой ум чтением журнала «Мари-Клэр», а по вечерам просмотром двух каналов по телевизору с большим экраном и повышенной яркостью изображения, мне остались всего три выплаты. Я хорошо сплю, не пью, курю умеренно, у меня было несколько любовных интрижек, но не из тех, что вызывают негодование консьержки; правда, у меня в доме ее нет, зато есть соседи по площадке, и я дорожу их уважением. Я свободна, никаких забот и при этом глубоко несчастна.

Вполне вероятно, что те, кто меня знает, дизайнеры нашего агентства или бакалейщик в моем квартале, были бы потрясены, что я еще на что-то жалуюсь. Но даже до того, как я научилась ходить, я поняла, что если сам себя не пожалеешь, то никто не пожалеет.

Итак, вчерашний вечер, пятница 10 июля. Теперь мне кажется, что это было целую вечность назад, в какой-то другой жизни.

Кажется, оставалось не больше часа до закрытия агентства. Оно занимает два этажа – бывшие квартиры – в здании с колоннами и затейливой лепниной возле площади Трокадеро. Почти везде от жильцов остались хрустальные люстры с подвесками, которые позвякивают от малейшего дуновения воздуха, мраморные каминные, потускневшие зеркала. Мой офис на третьем этаже.

В окно за спиной било солнце, освещая разложенные на столе бумаги. Я проверила план рекламной кампании фирмы «Фросей» (туалетная вода, свежая, как роса), двадцать минут требовала по

телефону возместить нам двадцать процентов от стоимости неудачно размещенного в еженедельнике объявления, напечатала на машинке два письма. Вернее, только одно, потому что выходила в соседнее кафе выпить кофе с двумя редакторшами и одним красавчиком из отдела покупки рекламного пространства. Именно он попросил меня позвонить по поводу загубленного объявления. Когда он сам ведет переговоры, всегда остается ни с чем.

Это был обычный конец рабочего дня, хотя, впрочем, не совсем обычный. В мастерской художники рассуждали о машинах и о Кики Карон^[5], празднично болтающиеся девицы забегали ко мне стрельнуть сигаретку, заместитель заместителя шефа, любитель поорать, дабы создать иллюзию собственной незаменимости, но при этом ни черта не делать, что-то кричал в коридоре. Всё, как всегда, но при этом в воздухе чувствовалось то общее нетерпение и ликование, которые обычно предшествуют длинным выходным.

14 июля^[6] в этом году выпало на вторник, и еще в январе (то есть с того момента, как нам раздали служебные календари) было условлено, что рабочие дни распределяют таким образом, чтобы у нас получилось четыре выходных дня подряд. Вклинившийся в праздники понедельник все, кроме меня, уже отработали – они выходили на полдня две субботы. Но я-то как раз в это время брала отпуск. И вовсе не из альтруизма, не ради того, чтобы кто-то другой смог отдыхать в июле, а только потому, и пусть меня покарает Господь, если я лгу, что даже в отеле «Центральный» в Монбриане (Верхняя Луара) все забито до конца летнего сезона. Все как с ума посходили.

Есть и еще одна причина – если меня арестуют, не забыть сказать о ней, – когда я вышла на работу, якобы вернувшись со Средиземного моря с загаром, приобретенным при напряжении 220 вольт (я подарила себе на день рождения ультрафиолетовую лампу за сто восемьдесят франков; говорят, от нее бывает рак, но мне наплевать), все остальные, донельзя возбужденные, еще только собирались уходить в отпуск. Для меня все уже было кончено,

кранты до скончания веков – вернее, до следующего года, а каникулярное время, по крайней мере, как мне кажется, имеет особое свойство: я, например, могу легко и без сожаления забыть о нем, едва переступив порог своего офиса. Но как бы не так, все словно решили продлить мою агонию, потихоньку подливая масла в огонь.

Мужчины едут в Югославию. Уж не знаю, как они там крутятся, но они впаривают югославам этикетки для консервов, поэтому у них там всегда водятся деньжата. Они утверждают, что не бог весть какие, но за пять Вольтеров^[7] в день можно жить припеваючи – валяться на роскошных пляжах, прихватив с собой жену, свояченицу и всех ребяташек, а если еще умело проходить таможду, то можно даже прихватить оттуда сувениры – местный выпивон или крестьянские вилы, из которых потом смастерить вешалку. Просто всю голову они нам задурили этой Югославией.

Ну а девушкам подавай Кап-д'Антиб^[8]. Если будешь неподалеку, заезжай повидаться, там рядом живет один мой приятель, у него бассейн, он туда добавляет специальное средство, которое повышает плотность воды-даже если ты плаваешь, как топор, все равно не утонешь. Во время обеденного перерыва они шли в наступление на магазины «Призюник» или «Инно-Пасси», держа в одной руке бутерброд, а в другой конверт с премиальными за июль. Я видела, как они, раскрасневшись от беготни, растрепанные в битвах на распродажах, врывались в агентство – в глазах отражается море, в руках – пакеты с покупками: нейлоновое платье для танцев, которое умещается в пачке от сигарет, или приемник made-in-Japan^[9] со встроенным магнитофоном, можно ловить все передачи канала «Европа Один»^[10] и одновременно их записывать, к нему прилагаются еще две бесплатные кассеты, чехол от приемника можно использовать как пляжную сумку, а если его надуть – получается подушка. И пусть меня покарает Господь, если я

лгу, одна из девиц даже потащила меня как-то днем в туалет, чтобы я оценила ее новый купальник.

Двадцать шесть лет мне исполнилось 4 июля, в прошлую субботу, после того как закончилось предотпускное буйство. Я проторчала весь день дома, немного убирала квартиру, ни с кем не встречалась. Чувствовала себя старой, как-то внезапно ужасно постаревшей, унылой, подслеповатой и глупой. И до неприличия завистливой. Даже когда думаешь, что больше не веришь в Бога, быть настолько завистливой – все равно грех.

Вчера вечером лучше не стало. Мне предстоял бесконечный уикенд – я буду маяться, не зная, чем себя занять, а также, и прежде всего, меня донимают чужие планы, которые громко обсуждаются в соседних кабинетах. Отчасти из-за того, что все говорят очень громко, отчасти из-за того, что я, мерзкая мазохистка, все внимательно слушаю.

У других всегда есть какие-то планы. А вот я не умею ничего предусмотреть, всегда в последний момент звоню по телефону, и в девяти случаев из десяти либо никто не подходит, либо люди уже чем-то заняты. Хуже того, как-то раз я пригласила к себе на ужин одну журналистку, которая помогает мне по работе, и одного довольно известного актера, ее любовника, ну и вдобавок одного дизайнера из агентства, чтобы не выглядеть полной дурой. Договорились за две недели вперед, я записала это число в десяти местах в своем ежедневнике, а когда они явились – привет, как дела, – оказалось, что я совершенно об этом забыла и могла накормить гостей только йогуртом и джемом. Мы отправились в китайский ресторан, и пришлось буквально встать на уши, чтобы мне позволили заплатить за всех.

Не знаю, почему я такая уродилась. Возможно, потому, что восемнадцать лет своей жизни я только выполняла чужие приказы. Планы на каникулы или просто на воскресенье всегда строили за меня другие – всегда одинаковые: я красила часовню с другими девочками из детского приюта, у которых тоже не было

родственников (кстати, я обожала красить), болталась по пустому двору, зажав под мышкой мяч, иногда меня возили в Рубе^[11], там у нашей Главной Матушки жил брат-аптекарь. Я по несколько дней сидела за кассой, перед каждой едой мне давали средство для укрепления здоровья в ампулах, а потом приезжала Глав-Матушка и забирала меня.

В шестнадцать лет во время одной из таких поездок в Рубе я что-то сказала или сделала, что ее огорчило, – уже не помню, что именно, какая-то ерунда, – и прямо перед приходом нашего поезда она вдруг почему-то решила отложить отъезд. Повела меня в пивную, накормила мидиями, а потом мы пошли в кино. Посмотрели «Бульвар Сансет»^[12]. Когда фильм закончился, Глав-Матушка была сама не своя от стыда. Она выбрала его, потому что у нее остались незабываемые воспоминания о Глории Свенсон в ролях невинных девушек, и разумеется, она даже не могла предположить, что меньше чем за два часа я своими глазами постигну все прелести падения нравов, которые так тщательно от нас скрывали.

Я тоже плакала по дороге на вокзал (нам пришлось бежать как сумасшедшим, чтобы успеть на последний поезд), но плакала не от стыда, а от восторга, меня охватила восхитительная грусть, я задыхалась от любви. Это был первый и самый прекрасный фильм, который я видела в жизни. Когда она стреляет в Уильяма Холдена и он под пулями, шатаясь, отступает к бассейну, когда Эрик фон Штрогейм руководит съемкой новостей, а она спускается по лестнице, полагая, что играет новую роль, мне казалось, что я вот-вот умру, прямо здесь, в своем кресле в кинотеатре Рубе. Не могу это объяснить. Я была влюблена в Холдена, Штрогейма и Глорию Свенсон, хотела бы быть на месте любого из троих. Я даже полюбила подружку Холдена. Когда они вдвоем прохаживались среди декораций пустого кинопавильона, я безнадежно мечтала остаться рядом с ними – чтобы эта история начиналась снова и снова, а я жила бы в ней всегда.

В поезде Матушка повторяла себе в утешение, что, слава богу, самое отвратительное в этих извращениях лишь подразумевалось, что даже сама она осталась в неведении, а уж я-то тем более не могла все понять. Но с тех пор, как я живу в Париже, я несколько раз пересмотрела этот фильм и уверена, несмотря на первое потрясение, что главное от меня не ускользнуло.

Вчера вечером, пока я надписывала конверты для двух писем, только что напечатанных на машинке, я вдруг подумала, что пойду в кино. Именно так я бы и поступила, будь у меня хоть десятая доля той рассудительности, которую мне приписывали в мои лучшие дни – еще совсем недавно. Я бы сняла телефонную трубку и в кои-то веки, за несколько часов до сеанса, подыскала бы себе компанию. Ну а затем, я слишком хорошо себя знаю, даже сброшенная на Париж водородная бомба не помешала бы мне довести дело до конца, и тогда ничего бы не случилось.

Хотя, с другой стороны, кто знает? Наверное, нечто подобное так или иначе должно было произойти со мной вчера, сегодня или через полгода. Ведь я сама себе враг...

Но я не сняла трубку, а закурила сигарету и пошла отнести эти два письма в корзину с почтой в коридоре. Потом спустилась этажом ниже. Несколько минут провела в кладовке, гордо именуемой «Документация», где лежат газеты. Их хранительница Жоржетта, высунув кончик языка, старательно вырезала объявления. Я взглянула на расписание кинотеатров в утреннем выпуске «Фигаро», но не нашла ничего заманчивого.

Я вернулась в свой офис, где меня уже ждал наш босс. Когда я открыла дверь, не ожидая никого там застать, и вдруг увидела его, у меня от испуга заколотилось сердце.

Ему лет сорок пять, ну, может быть, чуть больше, он довольно высокого роста и весит примерно килограммов сто. Очень коротко, почти наголо подстрижен. Лицо у него слегка оплывшее, но довольно приятное, даже говорят, что в молодости, когда он был худым, то был просто красавцем. Зовут его Мишель Каравель. Он

основал наше агентство. У него талант к рекламному бизнесу, он умеет ясно объяснить то, чего хочет добиться, а в нашем деле, где приходится убеждать не только рекламодателей, которые нам платят, но и тех, кто покупает товар, ему нет равных.

Его отношения с сотрудниками и интерес к ним – исключительно деловые. Я совершенно его не знаю. Вижу только раз в неделю – в понедельник утром – на тридцатиминутной планерке в его кабинете, где он информирует нас о последних рабочих новостях. Меня туда приглашают всего-навсего, чтобы вести протокол.

Три года назад он женился на девушке моего возраста по имени Анита – я была ее секретарем, когда она работала в другом рекламном агентстве. Мы с ней дружили, если можно назвать дружбой сорок часов в неделю, проведенные в одном кабинете, ежедневные совместные обеды в кафе самообслуживания на улице Ла-Боэси и редкие встречи по субботам – походы в мюзик-холл.

Когда они поженились, именно она предложила мне перейти в агентство Каравеля. Она уже работала у него несколько месяцев. Я выполняла примерно те же функции, что и она, но у меня не было ни ее выдающихся способностей, ни ее честолюбия, ну и, соответственно, ее зарплаты. Я не встречала еще человека, который с таким остервенением и эгоизмом делал бы карьеру. Ее жизненный принцип гласил: если живешь в мире, где другие привыкли сгибаться перед бурей, то нужно уметь вызвать бурю, а самой подниматься наверх по чужим спинам. Ее прозвали Анита-пошли-все-на-фиг. Она это знала и иногда даже подписывала так служебные письма, если требовалось разнести кого-то в пух и прах.

Не прошло и трех недель после свадьбы, как Анита родила девочку. С тех пор она больше не работает, и я практически ее не вижу. Что касается Мишеля Каравеля, то я полагала (вплоть до вчерашнего вечера), что он вообще не помнит, что я знакома с его женой.

Он выглядел усталым или озабоченным и очень бледным, так бывает всегда, когда он сидит на диете, стараясь похудеть. Он

назвал меня Дани и сказал, что у него неприятности.

Я заметила, что на кресле для посетителей возле моего стола навалены папки, убрала их, но он так и не сел. Он оглядывался по сторонам, словно оказался в моем офисе впервые.

Он сказал, что завтра улетает в Швейцарию. У нас в Женеве очень важный клиент – фирма «Милкаби», сухое молоко для грудных детей. Чтобы получить от них новый заказ, он должен повезти с собой макеты, оттиски на меловой бумаге, цветные фотографии – все, что идет в ход, когда требуется час или два достойно защищать свои интересы перед дюжиной директоров и их заместителей с ледяными лицами и ухоженными руками. Но его вылет под угрозой из-за нашей главной ударной силы – рекламного текста. Он объяснил мне без тени улыбки (я уже раз сто, не меньше, слышала от него подобные объяснения), что был составлен специальный доклад о нашей стратегии и стратегии наших конкурентов, но в последний момент ему пришлось все менять, и этот текст сейчас представляет собой разрозненные черновые фрагменты, а если проще – то ему нечего им представить.

Он говорил быстро, не глядя на меня, поскольку ему было неловко просить меня об услуге. Он сказал, что невозможно ехать, когда ты гол как сокол. К тому же переносить встречу с «Милкаби» нельзя, он уже проделывал это дважды. Даже тугодумы-швейцарцы на третий раз догадаются, что мы – шайка жуликов и дешевле разносить сухое молоко по домам бесплатно.

Теперь я уже хорошо понимала, куда он клонит, но молчала. Последовала пауза: он машинально перебирал крохотные игрушки, выставленные в ряд у меня на столе. Я сидела. Закурила еще одну сигарету. Указала ему на пачку «Житан», но он отказался.

Наконец он спросил, разработала ли я какие-то планы на вечер. Он часто так мудрено выражается, и звучит это довольно обидно. Не думаю, что он способен представить себе, что я могу быть чем-то занята по вечерам – только спать, чтобы назавтра быть готовой к борьбе на трудовом посту. А я, дура безмозглая, даже не знала, что

ему ответить – да или нет, – и спросила, стараясь, чтобы мой голос звучал безразлично:

– Так сколько страниц нужно напечатать?

– Пятьдесят.

Я выпустила изо рта красивое облачко дыма, выражающее недовольство, и при этом подумала: ну вот, ты все испортила, выпускаешь дым, как в кино, теперь он поймет, что ты выпендриваешься.

– И вы хотите, чтобы я сделала это сегодня вечером? Нет, мне не потянуть! Мой предел – шесть страниц в час. И то, если строчу как пулемет. Попросите мадам Блондо, она наверняка справится.

Он сказал, что рейс у него только в полдень. В любом случае, даже речи нет, чтобы доверить эту работу мадам Блондо, печатает-то она быстро, но не сможет разобрать текст, где куча исправлений, отсылок, незаконченных фраз. А я все понимаю.

Он еще добавил, и думаю, это и решило дело, что не хочет – и всегда возражал, – чтобы сотрудники работали в агентстве после окончания рабочего дня, особенно если им приходится барабанить на машинке. Выше этажом живут люди, а наш договор о съеме помещения и так смогли заключить только благодаря каким-то непонятым административным ухищрениям. Он сказал, что я буду печатать у него дома, там смогу и поспать, чтобы не терять времени, если не успею закончить вечером. Тогда доделаю утром до его отъезда.

Я ни разу не была у него дома. Это и возможность повидаться с Анитой перевесили все доводы, отказаться я уже не могла. За одну или две секунды, пока он не выдержал и сам не сказал – ну хорошо, договорились, – я, идиотка, чего только не успела себе навообразать... Ужин втроем, представьте себе, в просторной столовой, приглушенный свет ламп. Негромкий смех, сопровождающий воспоминания. Послушайте, не отказывайтесь, возьмите еще крабов. Анита за руку ведет меня, уже никакую,

разомлевшую от выпитого вина, в мою спальню. За распахнутым окном ночь, ветерок раздувает занавески.

И тут же получила порцию холодного душа. Он посмотрел на часы, сказал, что меня никто не будет тревожить, прислуга поехала в отпуск домой, в Испанию, а у них с Анитой светская повинность, фестиваль рекламных фильмов во дворце Шайо^[13]. Правда, он добавил:

– Анита будет счастлива увидеть вас. Она ведь вам немного покровительствовала в свое время?

Но сказано это было, когда он уже направлялся к двери, не глядя, будто меня не существует – словно я не человек, а электрическая пишущая машинка марки «Президент».

Прежде чем уйти, он обернулся, сделал неопределенный жест в сторону моего стола и спросил, не осталось ли у меня какого-то важного дела. Я собиралась править верстку брошюры по индустриальной тематике, но она могла подождать, поскольку в голову мне пришла здравая мысль, что случается нечасто, и я не упустила свой шанс и произнесла:

– Осталось получить деньги.

Я имела в виду тринадцатую зарплату, нам ее выдают в два приема – половину в декабре, половину в июле. Те, кто сейчас в отпуске, получили свои премиальные вместе с деньгами за июнь, остальные получают накануне 14 июля. Обычно, как и жалованье в конце месяца, конверты разносит по кабинетам главный бухгалтер и вручает каждому лично. До меня он добирается, когда остается меньше получаса до конца рабочего дня. Сначала он идет в редакцию, где вызывает настоящую бурю восторга, но я пока не слышала, чтобы редакторши с воплями радости кидались на беднягу.

Шеф застыл, держась за ручку двери. Он заявил, что уже едет домой и думал забрать меня с собой. Он сам вручит мне мой конверт, что, кстати, даст ему возможность добавить туда еще некоторую сумму, скажем триста франков, если меня устроит.

В его взгляде читалось облегчение, ну и я, само собой, была довольна, правда, у него оно тут же исчезло – просто-напросто я помогла ему найти выход из затруднительного положения.

– Собирайтесь, Дани. Жду вас внизу через пять минут. Машина у входа.

Он вышел, закрыв за собою дверь. Но почти тотчас снова открыл ее. Я в этот момент ставила на место игрушку, которую он передвинул, нарушив их ровный ряд на моем столе. Слоник на шарнирах, ярко-розовый, как леденец. Он заметил, как старательно я возвращаю его в строй, и сказал: «Прошу прощения». Он рассчитывает, что я не буду обсуждать с коллегами свою «надомную» работу. Я поняла, что поскольку он чувствует себя немного виноватым, то не хочет, чтобы в агентстве узнали о его оплошности. Он собирался сказать что-то другое, наверное, объяснить мне, что сознает свою вину, но в результате посмотрел на розового слоника и ушел уже окончательно.

Минуту я сидела, задаваясь вопросом: а что случится, если я не успею напечатать эти пятьдесят страниц до его отъезда? Да нет, мне хватит времени, пусть придется поработать ночью, меня беспокоило другое. Мои глаза могут не выдержать такого напряжения. Они становятся красными, слезятся, мелькают какие-то точки, иногда мне так больно, что я почти ничего не вижу.

Еще я думала об Аните, о каких-то глупостях: если бы я утром знала, что увижу ее, я бы надела свой белый костюм, нужно обязательно заехать домой переодеться. Раньше, когда мы вместе работали, я донашивала юбки, сшитые еще в приюте. Она мне говорила: «Как ты меня бесишь, напоминая о своем несчастном детстве, когда ходишь в этом самопале». Мне хотелось надеть самое лучшее, чтобы она увидела, как я изменилась. Вдруг я вспомнила, что шеф дал мне на сборы пять минут. Для него это триста секунд. Его пунктуальность удручает, хоть сверяй по нему часы.

Я нацарапала на листке блокнота: «Уезжаю на уикенд. До среды».

Потом тут же разорвала листок на мелкие кусочки и аккуратно написала на новом: «Должна улетать на уикенд. До среды. Дани».

Теперь мне быхотелось добавить какие-то подробности. Самолет – этого мало. Я могла бы написать: самолет на Монте-Карло. Но взглянула на циферблат: большая стрелка уже почти подошла к пяти, да и в любом случае я оставалась единственной среди сотрудников агентства, кто никогда не летал на самолете, поэтому большого впечатления это ни на кого не произведет.

Я прикрепила листок скрепкой к абажуру настольной лампы. Любой, кто войдет, сразу его увидит. Мне кажется, я была счастлива. Это трудно объяснить. Другими словами, я вдруг испытала то же нетерпение, которое весь день исходило от остальных.

Надевая летнее пальто, я подумала, что у Аниты и Мишеля Каравеля есть маленькая дочка. Я взяла розового слоника и положила его в карман.

Помню, что солнце по-прежнему било в окно, освещая разложенные на моем столе бумаги.

В машине – черной DS^[14] с кожаными сиденьями – он сам предложил сначала заехать ко мне, захватить ночную рубашку и зубную щетку.

Пробок еще не было, а вел он быстро. Я сказала, что у него усталый вид. Он ответил, что сейчас у всех такой вид. Тогда я заметила, что машины DS очень комфортабельные, но эта тема его не заинтересовала, и мы снова замолчали.

Мы переехали Сену по мосту Альма. На улице Гренель он нашел место рядом с фотомагазином, почти напротив моего дома. Он последовал за мной, когда я вышла из машины. Даже не спросил, можно ли ему подняться. Просто вошел в здание.

Я не стесняюсь своей квартиры, по крайней мере, мне так кажется, кроме того, я была уверена, что не оставила сушиться белье на батарее. И все-таки меня ужасно разозлило, что он идет следом за мной. Он займет все свободное пространство, мне придется

переодеваться в ванной, а если наткнешься там на стенку, то тут же пересчитаешь остальные три. Еще к тому же у меня пятый этаж без лифта.

Я сказала, что он вовсе не обязан сопровождать меня, мне нужно подняться всего на несколько минут. Но он ответил: ничего страшного. Не знаю, что он там себе вообразил. Может, что я собираюсь прихватить с собой чемодан?

Очень повезло – на лестничной площадке никого не было. У меня есть соседка, ее муж организовал себе отдых в больнице Бусико, попав туда прямо с улицы Франциска Первого, проехав по встречной полосе. Если не поинтересуешься, как он себя чувствует, она просто лопается от злости, а если спросишь, будет тараторить до скончания века. Я вошла в квартиру первой и тут же закрыла за Каравелем дверь. Он огляделся, но ничего не сказал. В этом крохотном помещении он явно чувствовал себя неуютно. Он показался мне гораздо моложе и, как бы это выразиться, гораздо живее и всамделишнее, чем на работе.

Я достала из шкафа белый костюм и заперлась в ванной. Я слышала, как он расхаживает по комнате совсем рядом. Пока я раздевалась, я крикнула ему через дверь, что в шкафчике под окном есть выпивка. Я успеваю принять душ? Он не ответил. Я не стала мыться, только быстро обтерлась махровой рукавицей.

Когда я вышла, одевшись, причесавшись, наведя марафет, но босиком, он сидел на диване и говорил с Анитой. Сказал, что мы скоро приедем. Одновременно разглядывал мой костюм. Я надела белые туфли, присев на ручку кресла, не спуская с него глаз. В его глазах я прочла только скуку.

Он разговаривал с Анитой – говорил: «Да, Анита. Нет, Анита». Наверное, чтобы я знала, что это она. Уже не помню, что именно он ей рассказывал, что я не изменилась, нет, что, скорее, высокая, да, скорее, худая, да, что я хорошенькая, да, и блондинка, очень светлая, загорелая, да – что-то вроде этого, это звучало бы очень мило, не произноси он эти слова каким-то неестественным голосом.

Он еще раздаётся у меня в ушах: деланный, монотонный голос судебного исполнителя. Он отвечал Аните, потворствовал ее капризу. Она хотела, чтобы он описал меня, он подчинился. Ведь она-то – человек, а я, Дани Лонго, могла с таким же успехом быть стиральной машиной из рекламы универмага BHV.

Он добавил еще одну деталь. Не стал прибегать к образным выражениям, чтобы сообщить жене, не обидев меня, что моя близорукость прогрессирует. Это было точное описание того, что он видел, грубая констатация фактов. Он сказал, что очки скрывают цвет моих глаз. Я засмеялась. Я даже приподняла очки, чтобы показать, какого цвета у меня глаза. Они вовсе не такие голубые и переменчивые, словно море, как бывали у Аниты, когда она разрешала мне нести оба наши подноса в кафе самообслуживания на улице Ла-Боэси, у меня глаза темные, неподвижные и маловыразительные, как наводящие тоску равнины севера, к тому же без очков я ничего не вижу.

Не знаю, может быть, из-за этого, из-за описания моих глаз, но я как-то сразу поняла, что навсегда останусь лишь поводом для оживления чуть занудного телефонного разговора между супругами из высшего общества, и, хотя я смеялась, мне было грустно, мне уже все осточертело, и я мечтала, чтобы этот вечер поскорее закончился, чтобы оба они уже отвалили на свой проклятый фестиваль рекламных фильмов, чтобы их вообще никогда не существовало, чтобы не существовало Аниты, короче, чтобы оба они провалились в тартарары.

Мы вышли. Я несла в сумке, как было велено, ночную рубашку и зубную щетку. Ехали по набережным Сены до моста Д'Отей. Потом он по дороге что-то вспомнил, поставил машину на двойной линии на торговой улице.

Дал мне купюру пятьдесят франков, сказал, что ни он, ни Анита никогда не ужинают и что в доме вряд ли для меня найдется что-то съестное. Обладай я хоть самым примитивным чувством юмора, я бы расхохоталась, вспомнив свои бредовые мечты об ужине втроем при

приглушенном свете ламп, о ветерке, раздувающим занавески. Вместо этого я зарделась. Я сказала ему, что тоже не ем на ночь, но он мне не поверил: пойдите, прошу вас.

Пока он ждал за рулем, я купила две бриоши в булочной и плитку шоколада. Он также попросил меня – заодно – зайти в аптеку и забрать для него лекарство. Пока ставили штампы на рецепт, я прочла на коробке содержимое флакона – сердечные капли. Он голодает, но, чтобы не падать в обморок, накачивает себя дигиталисом^[15]. Потрясающе.

В машине, пряча в бумажник сдачу, он спросил, не глядя на меня, где я купила свой костюм. Есть мужья, которые не могут вынести, когда кто-то, кроме их жен, элегантно одет. Я ответила, что получила его бесплатно в агентстве после фотосессии для одного из клиентов с улицы Фобур-Сент-Оноре^[16]. Он покачал головой, словно говоря: «Я так и думал», – но, обращаясь ко мне и стараясь быть любезным, произнес что-то наподобие: «Для готового платья он выглядит весьма эффектно».

Я никогда не бывала на их вилле Монморенси в Отейе. Наверное, под настроение все вокруг показалось мне каким-то тусклым, а квартал, расположенный в самом центре Парижа, с его ровными, нарядно украшенными улицами напомнил провинциальную деревню, населенную пенсионерами. Семейство Каравель проживало на авеню Трамбль^[17].

Рядом также была авеню Тийель^[18] и, полагаю, авеню Маронье^[19]. Дом оказался именно таким, как я его себе представляла: красивый, большой, окруженный цветочными клумбами. Было самое начало восьмого. В листве прыгали солнечные зайчики.

Я помню, как мы приехали, звук наших шагов в предвечерней тишине. В холле с красным плиточным полом и огромным гобеленом с изображением единорогов горели все лампы, хотя было еще светло. Наверх вела каменная лестница, а на нижней ступеньке

стояла маленькая белокурая девочка в голубом бархатном платье, отороченном кружевом, и лаковых туфельках – один носочек сполз вниз, она прижимала к груди лысую куклу и смотрела на меня, не мигая, каким-то отсутствующим взглядом.

Я подошла к ней, ругая себя за то, что не научилась принимать все, как есть, не создавая проблем. Нагнулась, чтобы поцеловать ее и поправить носочек. Она стояла молча, не реагируя. У нее были большие голубые глаза, как у Аниты. Я спросила, как ее зовут: «Мишель Каравель». Она произносила «Калавель». Я спросила, сколько ей лет: «Тли года». Я вспомнила о розовом слонике, которого собиралась ей подарить, но он остался в кармане пальто, а пальто осталось дома.

В эту минуту ее отец позвал меня в просторную комнату, из которой я практически больше не выходила. Там стояли диван и кресла из черной кожи, темная мебель, вдоль стен – стеллажи с книгами.

Большая лампа с карусельной лошадкой вместо подставки.

Я поменяла очки и попробовала отведенный мне «пулемет». Это была полупортативная машинка марки «Ремингтон» двадцатилетней давности и, в довершение всего, с английской клавиатурой. Но все-таки на ней можно было отпечатать шесть читаемых копий, Каравель сказал, что хватит четырех. Он открыл папку «Милкаби» – листочки, испещренные микроскопическим почерком (никак не могу понять, как такой амбал умудряется писать так мелко), и объяснил, с какими трудностями я могу столкнуться. Он еще должен был до фестиваля во дворце Шайо, непонятно зачем, заехать в типографию. Он уехал, сообщив, что Анита вот-вот вернется, и пожелал ни пуха ни пера.

Я уселась за работу.

Анита спустилась через полчаса – светлые волосы стянуты на затылке, в руке сигарета. Она сказала: действительно, мы не виделись уже целую вечность, как у тебя дела, у меня дикая мигрень, – все это произнесено на одном дыхании, при этом она

успела оглядеть меня с головы до ног. В ней, как и раньше, чувствовалось какое-то внутреннее напряжение.

Она открыла дверь в глубине комнаты и показала мою спальню. Объяснила, что муж иногда там ночует, если работает допоздна. Там стояла огромная кровать, покрытая белой шкурой, а на стене висела увеличенная фотография голый Аниты, сидящей поперек кресла, – прекрасная фотография, видна даже пористость кожи. Я по-идиотски засмеялась.

Она повернула фотографию, приклеенную на деревянную раму, лицом к стене. Сказала, что Каравель оборудовал на чердаке любительскую фотолабораторию, но, кроме нее, ему больше никто не позирует. При этом она открыла другую дверь рядом с кроватью и показала мне ванную, отделанную черным кафелем. На секунду наши взгляды встретились, и я поняла, что все это ей смертельно скучно.

Я снова села за работу. Пока я печатала, она разложила на низком столике приборы, принесла два куска ростбифа, фрукты и початую бутылку вина. Она еще не была одета для приема. Спросила, не нужно ли мне еще что-нибудь, но, не дожидаясь ответа, пожелала ни пуха ни пера, пока-пока и исчезла.

Через какое-то время она возникла на пороге в черном атласном пальто, заколотом у ворота крупной брошкой, держа за руку дочку. Она должна отвезти ее своей матери, та живет рядом, на бульваре Сюше (я там бывала раза два или три), а потом поедет во дворец Шайо, муж будет ждать ее там. Она сказала, что они вернутся не поздно, потому что улетаю в Швейцарию, но если я устану, то совсем не обязана их дожидаться. Я чувствовала, что, прежде чем уйти, ей хочется сказать мне что-то дружеское, но не получалось. Я поднялась, чтобы лучше видеть малышку и сказать ей: «Мишель, дорогая, доброй ночи». Уходя, она оборачивалась, не сводя с меня глаз и по-прежнему прижимая к груди свою лысую куклу.

И тут я начала строчить как пулемет. Два-три раза закуривала, но, поскольку не люблю курить, когда печатаю, в перерывах ходила по

комнате, рассматривала корешки книг. На стене я обнаружила нечто явно выпендренное, но интригующее – матовое стекло 30 x 40 сантиметров в золотой рамке, а вделанное сзади устройство проецировало на него цветные диапозитивы. Видимо, Каравель приспособил здесь один из таких приборов, которыми пользуются для показа рекламы в витринах. Фотографии менялись каждую минуту. Я увидела несколько рыбачьих деревушек, залитых солнцем, разноцветные лодки, из-за отражений в воде казалось, что их больше, чем на самом деле. Я не знаю, как называется этот прибор. Единственное, что я, дура безмозглая, могу утверждать, – эти фотографии сделаны на немецкой пленке «Агфаколор». Я уже так давно вкалываю в этом дурдоме, что не могу ошибиться в оттенках красного.

Когда я почувствовала, что устали глаза, я пошла в ванную, отделанную черным кафелем, промыть их холодной водой. Снаружи не доносилось ни звука, казалось, Париж находится где-то далеко, и мне было очень не по себе в пустом темном доме.

К половине первого я успела напечатать тридцать страниц. Я без конца делала опечатки, словно мозг у меня расплавился и превратился в сухое молоко. Я пересчитала оставшиеся страницы – полтора десятка. Тогда закрыла футляр машинки.

Я проголодалась. Съела бриошь, которую купила по дороге, кусок ростбифа, яблоко и выпила немного вина. Мне не хотелось оставлять за собой беспорядок, и я отправилась на поиски кухни – просторной, выдержанной в стиле деревенского дома с каменной раковиной и двумя стопками грязной посуды, покрытой плесенью. О, как я хорошо знала Аниту! С тех пор, как ее прислуга уехала в отпуск, она наверняка даже пальцем не пошевелила, чтобы нажать на кнопку тостера.

Я сняла жакет, вымыла свою тарелку, стакан и приборы. Погасила везде свет и отправилась спать. Было жарко, но я, сама не знаю почему, побоялась открыть окно. Никак не могла заснуть. Я думала об Аните, той, прежней, когда она была моей начальницей.

Раздеваясь, я не удержалась и перевернула фотографию, где она сидит голая на кресле. Злилась на себя, что так по-дурацкиотреагировала. Я вовсе не считаю, что так уж глупо хохотать, когда видишь, что мужик вывесил у себя дома фотографию голого зада собственной жены, – просто у меня дурацкий смех.

Когда я работала с Анитой, она много раз ночевала у меня. Она жила тогда с матерью и попросила, как умеет просить только она одна, перемежая приступы нежности с угрозами, и при этом невероятно настырно, чтобы я пустила ее к себе – встретиться с одним парнем. Парни у нее менялись, но место свиданий оставалось неизменным, а уступив раз, я уже не могла набраться смелости отказать ей. Пока они развлекались, я шла в кино. Когда возвращалась, заставала ее раздетой с пылающими щеками, она курила и либо читала, либо слушала радио, перевесив ноги через подлокотник кресла, примерно, как на этой фотографии. Ей даже в голову не приходило убрать постель. Мое самое четкое воспоминание – волочащиеся по полу смятые простыни, на которых я должна была провести рядом с ней остаток ночи. Если я выказывала недовольство, она называла меня «мерзкой убогой целкой» и велела возвращаться в монастырь и подышать там от зависти. Или же принимала на редкость смиренный вид и обещала, что в следующий раз займется сексом на моем кухонном столе. Назавтра в бюро она превращалась в Аниту-пошли-все-на-фиг, одетую как девушки из приличных кварталов, с ясными глазами, точными жестами и сердцем, застегнутым на все пуговицы.

Наконец я заснула или задремала. Чуть позже услышала, как они вернулись. Шеф жаловался, что перепил и должен был общаться со скопищем придурков. Потом подошел к двери и спросил шепотом: «Дани, вы спите? Все нормально?» Я ответила, что все в порядке и осталось всего пятнадцать страниц. Подражая ему, я ответила ему еле слышным голосом, словно боялась кого-то разбудить в этих чертовых хорах.

После этого я снова заснула. Мне показалось, что в ту же минуту в дверь поскреблись, и уже наступило утро – сегодняшнее утро – в окно светило солнце, шеф сказал: «Я сварил кофе, он на столе».

Я застелила кровать, приняла ванну, оделась, выпила остывший кофе – чашка стояла возле машинки – и села за работу.

Шеф заходил два или три раза посмотреть, сколько я успела. Затем показалась Анита в белой комбинации, она что-то искала, но так и не нашла, одной рукой она держалась за голову, ее по-прежнему донимала мигрень, а другой стряхивала пепел с первой утренней сигареты. Ей нужно было ехать за дочкой на бульвар Сюше. Она тут же сообщила мне, что они хотят воспользоваться деловой встречей с «Милкаби» и провести уикенд все втроем в Швейцарии. Она нервничала из-за поездки, это было совсем на нее не похоже. Раньше она действовала по принципу-все клиенты, как и любовники, будут больше тебя ценить, если заставить их ждать, и нелепо суетиться, стараясь успеть на самолет, когда можно улететь следующим.

Впрочем, нервничали все – она, я и Каравель. Я допечатывала последние страницы, как машинистки, которых сама не перевариваю, даже не пытаюсь вникнуть в суть текста. Наверняка я сделала кучу ошибок, нажимала почти на все клавиши левой рукой (я левша и, когда тороплюсь и хочу печатать быстрее, просто забываю, что у меня есть правая рука), потеряла массу времени, внушая себе: думай, что делаешь, правой, кретинка, работай правой, как боксер, пропустивший смертельный удар. Удар, который нанесли мне, и пусть это звучит глупо, – кстати, не забыть сказать об этом, если меня будут допрашивать, – это их семейный уикенд в Швейцарии. Я однажды ездила в Цюрих, остались ужасные воспоминания. Я никогда не бывала в Женеве, но уверена, что, во всяком случае, для таких, как Каравели и им подобные, там должны быть отели-гнездышки с огромными террасами, где под лунным небом грустно поют скрипки, там ослепительно яркие дни и вечера,

озаренные тысячью огней, там проводят время, как мне и не снилось, и не только потому, что за все это нужно платить тысячи франков или долларов. Я ненавижу себя за то, что я такая, – это правда, чистая правда, – но я такая, какая есть, и не знаю почему.

Я закончила печатать около одиннадцати. Разбирала листы – раскладывала по порядку на четыре стопки, когда Каравель явился, чтобы дать мне свободу. На нем был темно-синий летний костюм и безвкусный галстук в белый горошек, он подавлял меня своими габаритами и энергией. Он успел забежать в агентство – забрать макеты. Принес мой конверт с премиальными, не забыв вложить туда обещанные триста франков. Я пересчитала: больше тысячи, почти полная месячная зарплата, и произнесла (я, как всегда, в своем репертуаре): большое спасибо, здорово, даже чересчур.

Он складывал напечатанные листы в дорожную сумку из черной кожи. Спросил, тяжело дыша, есть ли у меня водительские права. Станный вопрос. Анита знает, что есть, наверное, ведь говорила ему. Когда она купила свою первую машину, подержанную «симку»^[20]-кабриолет, то так боялась сесть за руль, что мне пришлось выводить машину с площадки автосалона. А потом я по четыре-пять раз на дню перегоняла ее с места на место на парковке, когда заканчивалось бесплатное время.

Но на самом деле за всю свою жизнь я водила лишь одну-единственную машину – пикап, известный как «две лошадки»^[21], собственность приюта. Курсы вождения мне оплатила Глав-Матушка («это полезно, и сможешь выбрать мужа, который и на четырех колесах рулит, и на ногах твердо стоит, а не какого-то там недотепу»), и я единственная возила ее по делам. Это был мой последний школьный год. В приюте было два одинаковых пикапа, мне выделили тот, что постарше. «Можешь его не жалеть, – говорила Глав-Матушка, – наберешься опыта, а потом возьмем тот, что получше, у сестры Марии Матери Милосердия». Но при скорости тридцать километров в час она обеими руками вцеплялась в сиденье, а при сорока кричала так, будто ее режут. Однажды она с

перепугу дернула ручной тормоз, и мы обе чуть не вылетели через лобовое стекло.

Склонившись над своей сумкой, Каравель пробормотал скороговоркой, что вызвать такси в субботу утром – целое дело, а кроме того, чтобы меня не беспокоили во время работы, он вчера попросил телефонную станцию перевести их номер на услугу «абонент недоступен», и ему не хочется затевать всю эту волокиту по второму разу, кроме того, нужно еще забрать дочку у тещи, и вообще, я окажу ему громадную услугу, если соглашусь поехать с ними в аэропорт Орли. Я ничего не поняла. Он распрямылся и с раздражением объяснил мне: тогда я смогу привести назад его машину.

Он с ума сошел.

Я сказала ему, что в Орли есть парковки, но он только пожал плечами и ответил: спасибо, он в курсе.

– Ну, поехали, Дани.

Я ответила, что это невозможно.

– Почему?

Теперь он смотрел на меня в упор, слегка подавшись вперед; казалось, он излучает силу и нетерпение. Когда собеседник вплотную приближается ко мне, я тут же теряю нить разговора. Через несколько секунд я ему ответила:

– Не знаю! Потому что!

Невозможно вести себя глупее. Он снова пожал плечами, сказал, что не нужно ломать комедию, и вынес сумку в вестибюль. Для него вопрос был решен.

Я не могла ехать с ними в Орли. Я не могла привести назад его машину. Я должна была ему сказать, что в жизни не водила ничего, кроме развалюхи-пикапа, и что, когда мы на нем ездили, Глав-Матушка чувствовала себя спокойно, только когда в обозримом пространстве возникало очертание церкви, поскольку это давало шанс на соборование вне очереди. Я вышла следом за ним в вестибюль. Анита спускалась по лестнице. Я ничего не сказала.

У них было три чемодана. Я вынесла один в сад. Поискала глазами его DS, но то, что я увидела, повергло меня в оцепенение. Они собирались ехать не на DS, а на длинной, широкой, открытой американской машине, которую выводила из гаража Анита. Не машина, а танк.

Я вернулась в вестибюль, потом в комнату, где работала. Я даже не понимала, зачем я туда пошла. Ах да, за сумкой. Взяла ее. Поставила на стол. Нет, я не могу вести эту машину.

Каравель в спешке закрывал двери. Когда он увидел, что я стою столбом, то наконец сообразил, что со мной что-то не так, и подошел ко мне. Он дотронулся до моей руки и сказал:

– Это машина Аниты. В ней только газ и тормоз, и все. Ею очень просто управлять.

Еще он сказал:

– Не нужно так себя вести.

Я повернулась к нему, увидела, что у него голубые глаза, светло-голубые и очень усталые. Голубые. Я никогда раньше не замечала. И одновременно вдруг осознала, что он видит меня. Да, видит эдакую дуреху, но она ему симпатична. Или, по крайней мере, мне так кажется. Я не поняла, что он имел в виду, когда сказал: «Не нужно так себя вести». До сих пор не понимаю. Он, как и раньше, стоял совсем близко – очень высокий, очень сильный, я чувствовала, что теряю решимость. После долгого или, во всяком случае, показавшегося мне невыносимо долгим молчания он добавил, что, если я не хочу с ними ехать, он как-нибудь выкрутится, оставит машину на парковке. Это не так уж важно.

Я сдалась. Сказала, что поеду.

Я сидела сзади с малышкой. Она была в красном пальтишке с бархатным воротничком, держалась очень прямо, вложив свою теплую ручку в мою, и не проронила ни слова. Анита с мужем тоже молчали. Без двадцати двенадцать мы выехали с бульварного

кольца возле Орлеанских ворот^[22] на южную автомагистраль. Машину вел Каравель.

Я спросила, где мне поставить машину: в саду. Приходилось кричать – он ехал на большой скорости, и порывы ветра уносили наши слова. Он сказал, что документы на машину в бардачке, а ключ от ворот на том же брелоке, что и ключи от машины. Он дотронулся указательным пальцем до связки, висевшей на ключе зажигания. Я спросила, где мне оставить ключи. Он подумал и сказал, что я могу оставить их у себя, а отдам ему в среду днем в агентстве, когда он вернется из Швейцарии.

Анита обернулась, она злилась – смотрела на меня взглядом, хорошо знакомым еще по тем временам, когда я у нее работала, – и сказала: «Ты не можешь хоть на секунду закрыть рот, неужели это так сложно? Ты знаешь, на какой скорости мы едем?»

Малышка, видя, что мать мною недовольна, выдернула ручку.

Без десяти двенадцать – самолет вылетал в двенадцать ноль пять – Каравель затормозил перед зданием аэропорта. Анита в бежевом пальто на зеленой шелковой подкладке взяла дочку на руки, чтобы вынуть ее из машины, и, прижимая ее к груди, наклонилась поцеловать меня. Шеф торопил носильщика. Он протянул мне руку, которую мне отчаянно хотелось задержать подольше, поскольку внезапно мне в голову пришла куча вопросов, которые я бы хотела задать ему. А если пойдет дождь? Ведь до среды может пойти дождь. Нельзя же оставить машину открытой, а как поднять складной верх? Он был сбит с толку, посмотрел на безоблачное небо, потом на меня, потом на приборную панель.

– Я не в курсе. Это машина Аниты.

Он подозвал Аниту, которая ждала у входа в здание. Когда она поняла, что мне нужно, то просто взбесилась от злости. Она мне сообщила, кто я такая, – всего одним словом. И в то же время показала, растопырив пальцы, затянутые в летние перчатки, на кнопку, расположенную очень низко под рулем, но проделала это с такой злостью, что я даже не успела ее разглядеть. Она прижимала

одной рукой свою девочку, которая уже, вероятно, была довольно увесистой, а ее туфельки пачкали пальто Аниты. Каравель потащил их к входу. Перед тем как скрыться за дверью, он обернулся и изобразил рукой что-то наподобие прощального жеста.

А я осталась одна на заднем сиденье машины-монстра. Мне казалось, что у меня в голове воцарилась гулкая тишина.

Конечно же, мне потребовалось какое-то время, чтобы осознать, что мотор по-прежнему работает, а прохожие смотрят на меня. Потом подошел полицейский и сказал, что здесь нельзя стоять. Чтобы собраться с духом и дать ему отойти, я сняла косынку, которой повязала голову, когда мы выходили из дома Каравеля, и аккуратно ее сложила. Бирюзовая шелковая косынка, я купила ее в Маисе в самый первый год, когда там работала, в тот день, когда получила телеграмму, что умерла наша Глав-Матушка. Я почти всегда ношу эту косынку с собой в сумке.

В пустоте, наполнявшей мою голову, раздался голос Глав-Матушки: «Не переживай, отведи машину на стоянку, это не больше полусотни метров, а там спокойно все обдумаешь».

Я вышла из машины, она была белого цвета и сверкала на солнце, и поскольку я не хотела или не могла сразу же сесть за руль, то, чтобы потянуть время, решила взглянуть на значок на капоте, чтобы узнать ее марку. «Тандербёрд»^[23], огромная белая птица под летним небом, Птица-громовержец.

Я села за руль. Мне показалось, что дверца закрылась сама по себе. Кожаные сиденья золотистопесочного цвета блестели, все было песочного цвета и отливало хромом. Рукоятки и кнопки торчали по всей длине приборной панели и даже между сиденьями. Я старалась не смотреть на них. Как и сказал Каравель, я не обнаружила на полу педали сцепления. Я нагнулась, чтобы рассмотреть селектор скоростей. Кроме нейтральной передачи и заднего хода, было еще два положения: начать движение и продолжить его. Лоб у меня покрылся испариной, в горле пересохло, но помимо тревоги я ощущала еще что-то другое, не знаю, как это назвать. Мне казалось,

что я никогда не забуду этого момента, и мне будет жалко, что он больше не повторится. Я сняла правую туфлю, иначе каблук будет мешать нажимать на педали. Я сказала Глав-Матушке, что поехала, и медленно тронулась с места.

Сначала машина сделала резкий рывок вперед, потому что я слишком сильно нажала на газ, но тут же утихомирилась и плавно, торжественно повлекла меня за собой. Потом начался цирк. Улицы вокруг здания аэропорта уводили меня по всем направлениям, но неизменно туда, куда был закрыт въезд; раза четыре или пять я проехала по тому же маршруту, четыре или пять раз оказалась перед одним и тем же регулировщиком, который запрещал мне двигаться дальше, а один ехавший сзади водитель обозвал меня крохоборкой за то, что я не включаю индикаторы поворота, но, прежде чем найти их, эти индикаторы, – что в принципе оказалось нетрудно, – я врубила дворники, вентилятор горячего воздуха, радио Монте-Карло и опустила стекло правой двери. Я была на грани нервного срыва, когда наконец мне удалось заехать на парковку, куда я безуспешно стремилась попасть во время каждой очередной попытки, и если я еще смогла удержаться на ногах, выйдя из кабриолета, то только потому, что боялась испортить свой имидж.

Но в то же время я все-таки гордилась собой: пусть меня колотила нервная дрожь, но я знала, что преодолела страх, и чувствовала, что теперь смогу ехать на этой машине без остановки. Теперь я различала гул самолетов на взлетной полосе. Я бросила две монетки по двадцать сантимов в парковочный автомат, вытащила ключи из замка зажигания, взяла сумку, косынку и отправилась пройтись пешком, чтобы немного воспрянуть духом. Когда я пересекала улицу, идущую вдоль здания аэропорта, в лучах солнца в небо взлетала «Каравелла»^[24] компании «Свиссэйр». Наверное, унося ввысь Аниту.

В зале аэропорта я купила в автомате «карту сопровождающего». Было многолюдно и очень шумно, казалось, что я даже не имею отношения к самой себе. Я поднялась на эскалаторе на обзорную площадку. Смотрела, как катится по взлетной полосе бело-синий

«боинг» «Эйр-Франс», а люди в ярко-желтых жилетах суетятся на поле. Смотрела на пассажиров, которые послушно продвигались, выстроившись в цепочку, к огромной машине, а один из пилотов ходил взад-вперед, подталкивая камешек носком ботинка.

Я спустилась этажом ниже. Подошла к стеклянным дверям и поискала глазами того пилота-футболиста, но не нашла – наверное, он уже сел в самолет. Поболталась какое-то время у витрин с диковинными вещами, но самым необычным мне показалось там мелькнувшее отражение девушки в белом костюме с золотистыми волосами, не похожей на меня. Я купила газету «Франс-Суар», зашла в бар и решила прочесть заголовки, напечатанные крупным шрифтом: десять раз прочла, что кто-то что-то совершил, но так и не узнала, кто именно и что конкретно. Я выпила аперитив «Дюбонне»^[25] с водкой, выкурила сигарету. Я видела, как люди встают из-за стола, забирают оставленную там сдачу и улетают на другой конец света. Я уже не помню, как себя чувствовала – счастливой или несчастной. Я выпила второй бокал, потом третий и сказала себе: «Ты что, дура набитая, собралась участвовать в автомобильных гонках со столкновениями? Чего ты хочешь, на самом деле?» И мне кажется, уже в тот момент я знала, чего хотела.

Правда, понимала еще не совсем отчетливо, это было нечто вроде непреодолимого желания, неясного смятения, похожего на беспокойство. Я слушала, как женский голос нежного тембра, звучащий почти доверительно, безостановочно повторял в громкоговорителях, к какому выходу нужно идти, чтобы попасть в Португалию или Аргентину. Я дала себе слово, что когда-нибудь приду сюда, сяду именно за этот стол и что... а вот что дальше, не знаю, правда не знаю. Заплатила. Сказала себе, что выпила за здоровье моей прекрасной Птицы-громовержца. Все. Встала, собрала мелочь со стола и отправилась к морю.

Нет, я не призналась себе в этом сразу. Я – настоящий специалист по заключению сделок с самой собой. Садясь в машину, я подумала,

что абсолютно не важно, если я поезжу на ней еще часок-другой, пусть даже Каравель узнает об этом, я имею полное право остановиться где-то по пути и пообедать. Я покатаюсь по Парижу, съем бифштекс с жареной картошкой, выпью кофе, поеду в Булонский лес и, скажем, часам к четырем вернусь и поставлю машину в саду. Идет? Идет!

Я не спеша изучила все приборы на панели. Найдя кнопку, которая поднимала и опускала крышу машины, я с раздражением вспомнила о приступе ярости Аниты. На спидометре вытянутой формы с огромными металлическими цифрами была зафиксирована максимальная скорость-120 миль. Я подсчитала, что это соответствует примерно двумстам километрам в час, и сказала себе: неплохо, моя дорогая. Я исследовала содержимое бардачка. Там лежали только штрафы за неуплаченную парковку, счета за ремонт машины и дорожные карты. Обнаруженные мною технический паспорт и страховка в прозрачном пластиковом пакете были выданы на имя одного из акционерных обществ, принадлежащих Каравелю и зарегистрированных по его домашнему адресу на авеню Трамбль. Говорят, он владеет четырьмя одинаково фиктивными компаниями, чтобы перемещать туда деньги со счетов агентства, но я в этом не разбираюсь, а главный бухгалтер держит все в страшном секрете. Мне полегчало, когда я увидела, что в документах на машину имя Аниты не значится. Всегда легче воспользоваться тем, что никому не принадлежит или, по крайней мере, не принадлежит конкретному человеку.

Я вышла взглянуть, что лежит в багажнике: тряпки, мочалка-люфа, складной рекламный проспект машины «Тандербёрд». Я наугад взяла проспект. Когда я открыла дверь машины, руль сместился вправо, чтобы водителю удобнее было садиться, и блокируется в этом положении, едва включился мотор, – потрясающе. Я обратила внимание, что прохожие оборачиваются и смотрят на меня. Это были совсем не такие взгляды, которые я обычно ловлю на себе, даже есть учесть, что на мне сейчас узкая юбка и, возможно, она задралась

выше положенного. Я сказала себе, что все это ненадолго, но в любом случае приятно, когда котируешься выше курса подержанных автомобилей из журнала «Аргюс». Верно? Верно.

Я с величественным видом подала назад, выехала с парковки, изящно развернулась перед зданием аэропорта и остановилась возле первого перекрестка. Один знак указывал направление на Париж. Но было еще и другое направление – на юг. Я стала повязывать голову косынкой, чтобы выиграть время на раздумья. Ехавший за мной водитель начал громко сигналить. Я показала рукой, чтобы он шел подальше, впрочем, этот жест можно было отнести к нам обоим, и повернула на юг. Обедать в Париже глупо, я могу это делать ежедневно. Я поеду в Милли-ла-Форе^[26], во-первых, там красиво, и я увижу что-то новое, во-вторых, я могу рассчитывать не на дежурный бифштекс с жареной картошкой, а на что-то необыкновенное с клубникой, найду ресторан, где столы стоят в саду, – отлично, вопрос решен, правда, ты уже тяпнула три аперитива, подумай хорошенько, что делаешь, а не то придется возвращаться на эвакуаторе.

Первую машину на шоссе я обогнала на развилке, как раз в тот момент, когда нужно было поворачивать на Милли-ла-Форе, это объясняет, почему мне пришлось двигаться дальше. Но я бы продолжала в любом случае. Руль нежно касался моих рук, солнце нежно касалось лица, теплый ветерок нежно обдувал меня на поворотах, долгие повороты, отлогие спуски; моя огромная птица-мечта, бесшумная и послушная, парящая, стрелой летела мимо полей, моя соучастница и подруга: теперь заставить меня остановиться можно было только силой, если побороться со мной и взять верх. Я смотрела на машины, идущие в том же направлении, ребятишки прижимались носами к окнам, они уже с головой погрузились в мысли о каникулах, красные мячи распирала битком набитые багажники, они не закрывались, и приходилось стягивать их веревками; на прицепах везли лодки, сложенные мачты были устремлены к морю, а во взглядах на мгновение поравнявшейся со

мною супружеской пары я прочла что-то заговорщическое. Во всяком случае, до выезда со скоростной дороги я убеждала себя и, наверное, пыталась убедить и остальных водителей, что буду двигаться в их рядах по тому же маршруту, а вечером мы можем столкнуться в том же придорожном отеле, где-то между Балансом и Авиньоном. Ну, дура дурой!

Когда я снизила скорость, чтобы съехать с шоссе, Глав-Матушка сказала мне: «Прошу тебя, послушай меня на этот раз, ты только навредишь себе, отвези машину назад». Я поклялась всеми святыми, что доеду только до первого попавшегося на пути ресторана – или, по крайней мере, до первого приличного – и, как только расплачусь за обед, сразу же вернусь в Париж. Глав-Матушка сказала, что пьяный всегда клясться горазд и что чем дальше, тем труднее мне будет прекратить свои идиотские закидоны. На указателе я увидела, что проехала 50 километров, и меня охватило легкое беспокойство. С того момента прошло всего несколько часов, наверное, пять или шесть, но я потеряла представление о времени, теперь все казалось мне таким же далеким, как ночные сны по утрам.

Я остановилась у придорожного ресторана возле Фонтенбло. Царство никеля и пластика, настезь распахнутые огромные стеклянные двери, в проем одной из них, напротив моего столика, как в раму, вместились неподвижный «Тандербёрд». Посетителей было немного, исключительно парочки. Когда я вошла, все взгляды устремились на меня, наверняка из-за машины, а может быть, и потому, что я держалась излишне самоуверенно. Внутри было очень светло, и я могла не снимать темные очки.

Я заказала каре ягненка с томатами по-провансальски, салат из одуванчиков и пол бутылки розового вина, четвертинок у них не было, но от розового я пьянела меньше, чем от красного, ладно, ладно, хорош привирать, дорогая. Я попросила газету, и мне принесли тот же самый номер «Франс-Суар», который я оставила в Орли. Я прочла немногим больше. Я только поискала на картинке семь ошибок, допущенных художником, и вспомнила Аниту – она

всегда злилась на меня, когда не могла найти на рисунке все ошибки, – а еще вспомнила, что у меня на счете в Национальном торгово-промышленном банке лежит примерно две тысячи франков. Я достала чековую книжку, чтобы проверить. Две тысячи триста франков, но нужно вычесть взнос за телевизор плюс двести франков, которые я ежемесячно отсылаю в приют. Если добавить к этому наличность кошелька и полученного утром конверта, то в моем распоряжении больше трех тысяч. Этого, конечно, не хватит, чтобы круглый год обитать в отеле «Негреско»^[27], но четыре дня и даже меньше – я посчитала на пальцах: суббота, воскресенье, понедельник и вторник – я могла позволить себе жить как богатая, потрясающе богатая девушка. Я не слишком проголодалась, поэтому едва притронулась к еде. Но пол бутылки розового вина прикончила – обычно я за всю неделю столько не выпиваю.

Выходившая пара задержалась у моего столика. Мужчина лет пятидесяти с залысынами, загорелый и невозмутимый, и молодая женщина в бежевом.

Мужчина спросил, довольна ли я своей машиной. Я подняла голову, поправила указательным пальцем дужку очков на переносице, там, где от них остается красный след, и ответила, что если у меня возникнут претензии, то непременно извещу его об этом. Улыбка тут же исчезла с его лица, и он извинился. Мне стало противно, что я изображаю из себя бог знает кого, и я окликнула его. Он опять заулыбался.

Не знаю, что уж такого особенного я сказала про машину, но они сели за мой столик. Я доедала клубнику с сахаром. Они уже выпили кофе, но взяли еще по чашке, чтобы был повод угостить меня. Они сказали, что наблюдали за мной во время обеда, и уверены, что точно меня знают или, по крайней мере, где-то видели. Молодая женщина спросила, не актриса ли я. Я ответила: нет, боже упаси, я работаю в рекламе, руковожу агентством. Тогда, возможно, они видели, как я давала или брала интервью по телевизору? Я ответила, что вполне вероятно. Она повернулась к мужчине, и тот сказал ей:

«Вот видишь, я же говорил». Я еду на юг или уже возвращаюсь? Я сказала, что направляюсь к друзьям в Кап-д'Антиб, а на уикенд заверну в Ниццу утрясти одно дело. Они ответили, что мне везет, они-то уже едут обратно. До Монтелимара все было нормально, но там они простояли целых два часа из-за встречных машин, пробка тянется много километров. Посоветовали также объехать Лион, там настоящее столпотворение. Лучше всего – Шестая дорога, а там через какую-то богом забытую «Деми-Люн» можно попасть на Седьмую скоростную. Я ответила – конечно, я так обычно и езжу. Он оказался военным врачом в чине полковника. Я сказала, что мой отец тоже был врачом, правда, в немецкой армии, а мать проявила слабость во время оккупации, сами знаете, ей обрили голову, и все такое прочее. Они оценили мое прекрасное чувство юмора и ушли очарованные, нацарапав свой адрес на страничке, вырванной из ежедневника. Я сожгла ее в пепельнице, когда закурила сигарету.

Глав-Матушка сообщила мне, что я напилась, что все закончится плохо, и разумнее всего пойти закрыться в туалете, пока я не разревусь. Но я вовсе не плакала. Я решила, что верну машину во вторник вечером или даже в среду утром. На обратном пути помою ее на какой-нибудь станции техобслуживания. Анита не из тех, кто будет проверять километраж. Никто ничего не узнает.

Выйдя из ресторана, я закурила еще одну сигарету и какое-то время шла по обочине дороги. Солнце рисовало на земле мою четкую тень, бежавшую впереди, а когда я села в машину, сиденья просто обжигали. Я поехала в Фонтенбло. Нашла место для парковки вдоль тротуара, надела правую туфлю и вышла. Я купила платье, которое сперва понравилось мне на витрине, а еще больше – во время примерки: белое шифоновое с пышной юбкой. В том же магазине я прихватила ярко-желтый купальник, лифчик, две пары трусиков, бирюзовые брюки, белый свитер с высоким горлом, но без рукавов, два больших махровых полотенца и в тон им две губки-рукавички, кажется, это все. Пока мне подкорачивали платье, я перешла через дорогу, купила пару босоножек с золотыми

ремешками – в ансамбль к брюкам. Ни за какие коврижки я бы не вернулась сейчас обратно домой, на улицу Гренель, чтобы забрать оттуда летнюю экипировку. И вовсе не из-за двух часов, потерянных на дорогу туда и обратно, а из боязни обдумать все спокойно и уже не рискнуть тронуться в путь.

С огромными пакетами в руках я зашла в магазин кожаных изделий, выбрала чемодан из черной кожи и сложила в него все покупки. Мне ужасно не хотелось подсчитывать общую сумму выписанных мною чеков. Впрочем, я настолько научилась не сорить деньгами, что у меня в голове вмонтировано что-то наподобие счетчика, и если бы я потратила все свои сбережения и весь уикенд пошел бы насмарку, то я наверняка уже послала бы себе сигнал-предупреждение.

Я положила чемодан в багажник «Тандербёрда», но тут же пожалела, что его не будет рядом со мной в салоне. Я вытащила его и поставила на заднее сиденье. Часы в машине показывали четыре. Я открыла одну из Анитиных дорожных карт и подсчитала, что если ехать без остановок до позднего вечера, то можно будет заночевать неподалеку от Шалон-сюр-Сона^[28] или, возможно, в Маконе^[29]. Я взглянула чуть ниже на карту и прочла названия, от которых забило сердце: Оранж, Салон-де-Прованс, Марсель, Сен-Рафаэль. Я повязала волосы косынкой, сняла правую туфлю и пустилась в путь.

Выезжая из Фонтенбло, я вспомнила совет врача-полковника и спросила у продавщицы цветов, где выезд на автомагистраль номер 6. Купила букетик фиалок и прикрепила к ветровому стеклу. Чуть дальше на перекрестке я увидела двух жандармов из дорожной полиции, они о чем-то беседовали между собой. В эту минуту я подумала: «А что, если Каравель вернется до конца уикенда? А что, если по какой-то причине он вернется уже сегодня вечером?» И неожиданно для себя притормозила.

Не найдя машины, он решит, что я попала в аварию, наверняка позвонит мне (правда, я не знаю, есть ли у него мой телефон), но

меня не будет дома, и тогда он обратится в полицию. Я представила, как срочно по радиации передают мои приметы, а полицейские на дорогах останавливают подряд все машины. Нет, ну что я несу! В отличие от меня люди, как правило, привыкли выполнять обещанное. Каравель не вернется до среды. С ним жена и дочь, он не станет портить им эти несколько дней отдыха. Он скажет малышке: дыши глубже – и повезет ее кататься на лодке по озеру. И зачем ему вообще возвращаться в Париж? До среды здесь все закрыто. По праздникам жизнь замирает, а я позаимствовала машину совсем ненадолго, только пока танцуют вальс 14 июля, и не стоит делать вид, что я испугалась и принимаю все всерьез. Я прибавила газу. Небо было безоблачным, насыщенно-синего, почти лилового цвета. На пшеничные поля струился рассеянный свет, и они казались покрытыми солнечной пылью. Дремавшее, но не отпускающее беспокойство, которое я почувствовала, когда съезжала с шоссе, теперь прочно угнездило во мне, в самом безгласном и уязвимом уголке моего сознания, но иногда из-за какого-то пустяка или вообще без всякого повода оно поднимало голову, как обеспокоенный зверь или как потревоженное во сне мое второе «я».

Я пересекла долину Йонны. Помню, как остановилась в баре «Жуаньи» купить сигарет и сходить в туалет. На стене за стойкой висели фотографии грузовиков, попавших в аварию, и плакат цветов триколора, извещавший о празднествах, назначенных на уикенд. Шоферы вели разговоры, потягивая пиво. Они замолчали, когда я вошла, а когда я хотела заплатить за выпитый сок, один из них крикнул, что угощает. Я не соглашалась, но он сказал с южным акцентом, что «только еще не хватает, чтобы я отказалась», и я спрятала деньги. Я заводила машину, когда он тоже вышел вместе с приятелем и, прежде чем пойти к своему грузовику, остановился возле меня. Темноволосый уверенный в себе парень, примерно моего возраста, с голливудской улыбкой. Он сказал мне с тем же

акцентом, смерив взглядом – от капота машины до выреза на моем костюме: «Ну, с таким-то мотором вы должны просто летать». Я согласилась, кивнув головой. Он сказал, что жалко, раз так, мы больше и не встретимся. Когда я отъезжала, он открыл дверь своего грузовика и залезал в кабину. Помахал рукой и крикнул: «Если встретимся, я вам его верну!» Он что-то держал в руке, но издали мне было не видно. Я поняла, о чем он говорил, когда взглянула на ветровое стекло. Он умудрился стащить мой букетик фиалок.

После Осера я выехала на дорогу, где велись ремонтные работы, но все равно гнала на такой скорости, которая мне в жизни не снилась. Я вернулась на Шестую автомагистраль к югу от Авалона. Солнце уже стояло не так высоко, но жара еще держалась, а меня знобило. В голове громко гудело. Наверное, от возбуждения и пережитого страха я все сильнее нажимала на газ. Думаю, именно поэтому я придала такое значение пустяковому происшествию, которое произошло чуть позже. Если меня будут допрашивать, об этом лучше промолчать. Иначе я все запутаю, возникнут подозрения, в своем ли я уме, и моим рассказам вообще перестанут верить.

Это была деревня, первая, попавшаяся мне на пути с тех пор, как я съехала с автомагистрали. Она и вправду показалась мне знакомой. Я не выдумываю. Но любая деревня с серыми домами, колокольней, пронзающей голубое небо, холмами на горизонте и неожиданным летним солнцем, бьющим прямо в лицо, а потом исчезающим в какой-то длинной улице, такой длинной, что глазам больно и невозможно двигаться вперед, – так вот, любая похожая деревня вызвала бы у меня впечатление чего-то знакомого, уже виденного давным-давно, так давно, что в памяти не сохранилось никаких деталей, не уцелело ни одного названия.

Худая старуха в черном переднике с лицом, испещренным глубокими морщинами, сидела перед кафе на складном стуле, а очень узкая дверь кафе казалась лишь темным провалом. Я ехала очень медленно, солнце слепило, но вдруг что-то заставило меня обернуться – старуха делала мне какие-то знаки, подзывала меня. Я

остановилась у тротуара. Она еле передвигалась, но потихоньку, с трудом направлялась в мою сторону. Я вышла из машины. Она говорила очень громко, при этом сипло и с хрипотцой, как астматик, я плохо ее понимала. Она сказала, что утром я забыла у нее свое пальто. Я помню, когда я проезжала мимо, у нее на коленях стояла корзинка, а в руке она держала стручки гороха. Я ответила, что она ошиблась, я не могла забыть у нее свое пальто по той простой причине, что никогда к ней не заезжала. Она настаивала: когда она подавала мне кофе, бутерброды, то сразу поняла, что я была в каком-то нервном состоянии, и ничуть не удивилась, что я оставила пальто на спинке стула. Я ответила, что она ошиблась, но все равно спасибо, и быстро залезла в машину, но она засеменяла вслед за мной.

Мне стало не по себе. Она не сводила с меня своих злобных глаз. Вцепилась в ручку машины своими морщинистыми, потемневшими от солнца пальцами со вздутыми суставами. Твердила, что я пила кофе, ела бутерброды, пока мне «драили» машину.

Я никак не могла попасть ключом в замок зажигания. Неожиданно для себя я начала оправдываться: утром я была в Париже, черт знает за сколько километров отсюда, она просто перепутала похожие машины. Но она сказала с мерзкой старческой ухмылкой ужасную вещь – по крайней мере, в ту минуту показавшуюся мне ужасной:

– Ну да, машину «драили», так ее я даже в глаза не видела. А вот вас-то хорошенько разглядела.

Не знаю, что на меня нашло. Я оторвала ее руку от дверцы машины, заорала, чтобы она оставила меня в покое, что я ее не знаю и знать не хочу, она никогда меня не видела, и пусть никогда, понимаете, никогда никому не рассказывает, что меня видела. Потом я осознала, что рядом сидели какие-то местные жители и могли все слышать. Они уставились на нас, и я рванула с места.

Вот так. Это произошло примерно четверть часа назад или даже меньше. Я поехала дальше. Старалась думать о Глав-Матушке, о чем-то успокаивающем, о моей комнате, о море. Но не получалось. На

левой стороне дороги я увидела автозаправку. В Орли я посмотрела на уровень бензина в баке – он был почти полный, сейчас осталась половина, но этого хватило бы еще на много километров. И все-таки я решила заправиться.

Мужчина, который подошел обслужить меня, до этого разговаривал с двумя приятелями. На нем не было ни формы, ни фирменной фуражки. Я пошла к домику с белыми стенами. Развязала косынку. Помню, как скрипел у меня под ногами гравий, помню тысячи солнечных бликов, пробивавшихся сквозь листву деревьев на холме. Внутри была прохладная тень, тишина. Я причесалась, открыла кран над раковиной. И тогда проснулось мое второе «я» – моя тревога – и закричало изо всех сил. Меня схватили сзади так внезапно, что не осталось времени отбиваться, и хладнокровно и неумолимо – я знаю точно, я поняла это в открывшееся мне мгновение вечности, хотя я молила, молила не делать этого, – мне расплющили руку.

Автомобиль

Манюэль мог бы точно сказать им, что это была за машина: «Тандербёрд» последней модели, автоматическая коробка передач, V-образный восьмицилиндровый двигатель, 300 лошадиных сил, емкость бензобака – 100 литров, максимальная скорость около 200 км/час. Он работал автомехаником с 14 лет, сейчас ему под сорок, и то, что передвигается на четырех колесах, интересовало его не меньше, чем то, что ходит на двух высоких каблуках. Читал он только автомобильный журнал «Аргюс» и проспекты с рекламой женской косметики, разложенные на прилавках аптеки.

Вот в Америке он мог проявить свою осведомленность. Там вас будут слушать, даже если вы не лучшим образом говорите на их языке и вам требуется вечность, чтобы подыскать нужное слово. Манюэль, баск по национальности, всю молодость проработал в Америке, дольше всего в Толедо, штат Огайо. Там по-прежнему живет его старший брат, самый любимый. Больше всего он жалел, что уехал оттуда, – из-за брата, да еще из-за рыжеволосой девушки, с которой катался на лодке по реке Моми во время праздника, устроенного землячеством басков. Вообще-то между ними ничего не было, разве что она как-то зашла к нему в комнату, а он попытался залезть рукой ей под юбку, но она заартачилась.

Когда он работал в Толедо, у него было полно любовниц – обычно молодящиеся женщины в годах или замужние дамочки, о них он думал без ностальгии. Теперь он внушал себе, что был тогда слишком энергичен и нетерпелив, а приложи он чуть больше усилий, то завоевал бы Морин, не хуже всех остальных. Он называл ее Морин, вспоминая праздник на реке, потому что это звучало похоже на Моми и как-то по-ирландски, а настоящее ее имя вылетело у него из головы. Может быть, она и не была ирландкой. Случалось, когда вино не веселило, а только наводило тоску, он вообще начинал сомневаться, была ли она рыжеволосой. Дочку своей жены – он стал

ее отцом, когда ей было два года, – он тоже назвал Морин, но у всех вошло в привычку обращаться к ней Момо или Рири, даже у школьной учительницы, и он ничего не мог с этим поделать. Вот так, стараешься припасти краюшку хлеба на черный день, но всегда найдется тот, кто на нее позарится.

Манюэль не хотел, чтобы его считали занудой, особенно клиенты. Он знал по опыту работы с французами, что если вас спрашивают про какую-то машину, то только затем, чтобы узнать ее цену. Что же касается технических свойств, они заранее убеждены, что эта информация и гроша ломаного не стоит, разумеется, кроме тех, кто в этом разбирается, но они-то как раз ни о чем не спрашивают, а сами начинают разглагольствовать. Поэтому на вопрос о «Тандербёрде» с сиденьями песочного цвета только ответил:

– Потянет на пять штук. Легко.

Он залил полный бак. Вытер ветровое стекло. Рядом стояли Шарль Волю, местный винодел, и агент по продаже недвижимости из Солье, высоченный такой, у него «Пежо-404», сюда он заезжает раза по три в неделю, но как его зовут, Манюэль не знал. Именно в этот момент они услышали крики. Манюэль, как и те двое, на мгновение застыл в оцепенении, но все же не мог бы сказать, что по-настоящему удивился, как удивился бы, если бы это произошло с какой-то другой женщиной.

Как только он увидел эту девицу, что-то подсказало ему, что она не совсем в себе. Может, из-за ее темных очков или из-за неразговорчивости (она выдавила из себя всего несколько слов, и то по необходимости) или из-за странной манеры как-то устало или расслабленно склонять голову набок при ходьбе. У нее была красивая, необычная походка, словно каждый шаг длинных ног начинался от изгиба бедра. Манюэль почему-то подумал о раненом животном, правда, не мог точно определить – антилопе или дикой кошке, но всяко – о животном, вырвавшемся из мрака ночи, потому что в этой светловолосой головке угадывались какие-то темные, зловещие мысли.

Теперь они втроем окружили ее, пока шли в контору Манюэля. Когда выходили из туалета, он хотел ее поддержать, но она тут же отстранилась. Она больше не плакала, только прижимала к груди распухшую руку, на которой чуть ниже костяшек пальцев синел заметный след. Она шла той же походкой, что и прежде, ее профиль опять казался безмятежным и неподвижным: короткий прямой нос, плотно сжатые губы. Даже слегка растрепанная, в белом испачканном костюме, она казалась Манюэлю такой, какой, вероятно, и была на самом деле – грациозной кошечкой при каком-то типе с толстым бумажником.

Манюэля огорчало не только то, что он чувствовал себя ничтожеством, которому не по зубам такая женщина – ни соблазнить ее, ни содержать он бы не сумел, – но на пороге конторы рядом с матерью стояла малышка и смотрела, как они подходят. Манюэль предпочел бы, чтобы она не видела этого. Ей было семь, и, хотя он ни на минуту не забывал, что она не родная его дочь, она была ему дороже всего на свете. Она отвечала ему тем же. Она даже восхищалась им, потому что отцы ее соучеников приходили к нему какие-то присмирившие, и, если заглох мотор, он своими руками мог все починить. Ему было неприятно, что она увидит, как он растерян.

В конторе он усадил даму из кабриолета возле окна. Все молчали. Теперь он уже не мог отослать девочку домой, она бы затаила на него обиду. Он пошел в кухню, взял в стенном шкафу бутылку коньяка и чистый стакан на раковине. Его жена Миетта вышла за ним следом:

– Что случилось?

– Ничего. Я не знаю.

Он глотнул прямо из горлышка, потом вернулся в контору. По привычке Миетта сказала ему, что он слишком много пьет, а он ответил, по-баскски, что так он скорее сдохнет, а она сможет снова выйти замуж. Первым ее мужем был испанец из какой-то разбитой войсковой части, он даже слышать о нем не желал, но вовсе не из ревности. Он не любил жену, вернее, больше не любил. Иногда он

воображал, что она наставляла рога своему испанцу и неизвестно от кого забеременела. Неизвестно от кого.

Он поставил стакан на обитый металлом стол, налил до половины коньяк, а все молча смотрели. Дама из «Тандербёрда» только отрицательно покачала головой и не притронулась. Манюэлю было неприятно, что он должен начинать разговор, – во-первых, из-за девочки, а во-вторых, потому, что в такой момент его акцент покажется неуместным, и он будет выглядеть нелепо. В надежде сгладить неловкость он с раздражением махнул рукой и произнес:

– Вы говорите, что на вас кто-то напал, но ведь вокруг никого не было. Все, кто там был, сейчас здесь. Мадам, я просто не могу понять, почему вы утверждаете, что на вас кто-то напал?

Она смотрела на него, не снимая темные очки, поэтому он не видел ее глаз. Волю и агент по недвижимости по-прежнему молчали. Должно быть, они решили, что она эпилептичка или что-то в этом роде, и им было не по себе. Но Манюэль-то знал, что все не так. Как-то ночью – еще и года не прошло, как он вернулся во Францию, – у него на заправке возле Тулузы украли дорожную сумку. Ему казалось, что сейчас он попал в такую же ситуацию, но почему, объяснить бы не смог.

– Кто-то вошел, – заявила дама. – Вы непременно должны были его заметить, вы же стояли неподалеку.

Голос у нее был такой же неторопливый, как и походка, но четкий, без тени волнения.

– Ну да, если бы кто-то зашел, я бы точно его увидел, – подтвердил Манюэль. – А на самом деле никто не заходил, мадам, ни одна живая душа.

Она повернула голову к Волю и агенту по недвижимости. Волю пожал плечами.

– Надеюсь, вы не хотите сказать, что это был кто-то из нас? – спросил Манюэль.

– Не знаю. Я же с вами не знакома.

Все трое потеряли дар речи и ошарашенно уставились на нее. Ощущение, что он сейчас заново переживает ту ужасную ночь в Тулузе, только усилилось. Но в то же время его успокаивала мысль, что он не отходил от своих клиентов все те пять или шесть минут, которые она провела в туалете, но по молчанию, вдруг ставшему напряженным, он понял, что и они ее побаиваются. Неожиданно заговорил агент по недвижимости, обращаясь к Манюэлю:

– Может быть, вашей жене лучше увести девочку?

Манюэль сказал жене по-баскски, что Рири нельзя здесь оставаться, да и пусть она сама катится отсюда, если не боится схлопотать так, что мало не покажется. Она ему ответила по-баскски, что он ее просто-напросто изнасиловал, ее, вдову прекрасного человека, даже не потрудившись снять с нее траурного платья, и теперь ее вовсе не удивляет, если он взялся за старое с другой. Но все-таки она вышла с девочкой, та обернулась, глядя на даму и Манюэля, пытаясь понять, кто виноват и в чем именно.

– Никто из нас троих туда не заходил, – сказал Болю даме. – Не нужно выдумывать то, чего не было.

Это был грузный человек, и голос у него тоже был зычным. Когда деревенские играли в маниюлю^[30], он мог перекричать всех. Манюэль был полностью с ним согласен – не нужно выдумывать то, чего не было.

– У вас украли деньги? – спросил Болю.

Дама без колебаний, не задумываясь, отрицательно покачала головой. Манюэль все меньше понимал, куда она клонит.

– Так что ж тогда? Зачем на вас напали?

– Я так не говорила.

– Но подразумевали! – возразил Болю.

Он сделал шаг вперед по направлению к даме. Манюэль внезапно обратил внимание на то, что она изо всех сил вжалась в спинку стула, что ей страшно. А потом из-под очков выкатились две слезинки и медленно, ровными дорожками потекли по щекам. На вид ей лет двадцать пять, не больше. Манюэль испытывал

одновременно неловкость и возбуждение. Ему тоже хотелось подойти к ней, но он не решался.

– Ну, прежде всего снимите очки! – сказал Болю. – Не люблю говорить с людьми, которые не смотрят вам в глаза.

Манюэль готов был поклясться, что она не снимет, и агент по недвижимости, наверное, тоже так думал. Скорее всего, Болю излишне усердствовал, делая вид, что он в ярости, – наверное, чтобы произвести на нее впечатление, но она подчинилась.

Почти сразу же, словно боялась, что очки сорвут силой, – на Манюэля это подействовало так, будто бы она разделась. У нее были большие темные глаза, кроткий взгляд; она с трудом сдерживала слезы, и, черт возьми, без очков она казалась еще красивее и обнаженнее.

У тех двоих, видимо, создалось такое же впечатление, потому что снова воцарилось долгое молчание. Потом, не произнеся ни слова, она подняла и показала свою опухшую руку. Манюэль сделал тогда шаг вперед, потому что ему было плохо видно, и отодвинул Болю.

– Ах, вот это? – сказал он. – Надеюсь, вы не станете утверждать, что это произошло здесь? Ведь рука у вас была забинтована уже утром.

Он тут же подумал: «Да, что-то концы с концами не сходятся», – потому что, как ему казалось, он наконец понял, на что смахивает эта комедия – на обычное мошенничество, – и небольшая несостыковка сводит на нет все это представление. Если, допустим, она хочет изобразить, что получила травму здесь, у Манюэля, и вытянуть из него небольшую сумму, пообещав не обращаться в полицию (он все равно ни за что бы на это не клюнул, несмотря на то, что один раз уже угодил в тюрьму), то зачем, черт возьми, она появлялась здесь утром с перевязанной рукой?

– Это неправда!

Она хотела вскочить, изо всех сил мотала головой. Болю пришлось помочь Манюэлю удержать ее. В вырезе ее жакета было видно, что на ней из белья только кружевной белый лифчик, а кожа на

открытой верхней части груди такая же загорелая, как и на всем теле. Потом она перестала сопротивляться и села, и тогда они отошли. Она повторяла, надевая очки, что все это неправда.

– Что? Что именно неправда?

– Утром с рукой у меня было все в порядке, а даже если бы и нет, вы все равно бы не увидели – я была в Париже.

И снова тот же ровный голос, надменный тон. Манюэль чувствовал, что все это деланое, что она просто старается не расплакаться, выглядеть светской дамой. Она рассматривала свою левую неподвижную руку и эту странную полосу, проходившую возле костяшек пальцев.

– Вы не были в Париже, мадам, – сказал Манюэль спокойным голосом. – И никого не сможете в этом убедить. Не знаю, чего вы добиваетесь, и что я вру, вам здесь никто не поверит.

Она подняла голову, но посмотрела не на него, а в окно. Они проследили ее взгляд: Миетта заправляла бензином малолитражный «ситроен-пикап». Манюэль сказал:

– Сегодня утром я починил задние фонари вашего «Тандербёрда». Провода отсоединились.

– Неправда.

– Я никогда ничего не выдумываю.

Она приехала на рассвете, они пили кофе с коньяком на кухне и услышали, как она сигналит. Он вышел – она выглядела точно так же, как сейчас, – спокойно и в то же время напряженно, готовая разреветься из-за любого пустяка, но при этом, если кто-то тронет, сумеет за себя постоять. Посмотрела поверх этих темных очков, как он заправляет в брюки пижамную куртку. Он спросил: «Сколько налить?» – потому что думал, что она приехала на заправку. Но она высокомерно ответила – фары не горят, она вернется за машиной через полчаса. Взяла на заднем сиденье летнее пальто белого цвета и ушла.

– Вы принимаете меня за кого-то другого, – сказала дама. – Утром я была в Париже.

– Ну да, принимаю вас за кого-то другого. Только выходит, как ни крути, что эта другая – вы сами! – ответил Манюэль.

– Вы могли спутать машины.

– Если я хоть раз чинил машину, то в жизни ее не спутаю ни с какой другой, даже если у нее есть сестра-близнец. Это вы принимаете меня за кого-то другого, мадам. Я могу еще добавить, что когда я заменил наконечники проводов, то поставил новые винты крепления, мои фирменные, ни у кого таких больше нет.

Он вдруг пошел к двери, но Волю поймал его за руку и удержал.

– У тебя ведь должна была остаться какая-то запись о ремонте.

– Ты же знаешь, мне некогда заниматься всякой бухгалтерией, – сказал Манюэль, которому хотелось быть предельно честным. – И вообще, не буду же я записывать какую-то мелочь, чтобы Ферранте тоже что-то с этого поимел!

Ферранте был налоговым инспектором, жил в деревне, а по вечерам они все вместе пили аперитив. Будь он сейчас здесь, Манюэль сказал бы то же самое.

– Но ей я что-то нацарапал.

– Квитанцию?

– Что-то типа. Бумажку, вырвал листок из блокнота и штамп поставил. Все честь по чести.

Она по очереди смотрела то на Болю, то на Манюэля. Прижимала правой рукой распухшую левую. Наверное, ей было очень больно. Трудно понять, о чем человек думает и что чувствует, когда глаза закрыты очками.

– В любом случае, есть один человек, который может подтвердить мои слова.

– Если она замыслила втянуть вас в грязную историю, – сказал агент по недвижимости, – то свидетельства вашей жены и дочери не считаются.

– Оставьте мою дочь в покое! Какого черта стану я впутывать ее в эти дразги! Я говорю о Пако.

Пако были владельцами деревенского кафе. Мать и невестка вставали ни свет ни заря, чтобы обслужить рабочих, которые ремонтировали дорогу в Осер. Туда Манюэль и направил даму в белом костюме, когда она спросила, где сейчас можно выпить кофе. Вообще-то странно – женщина путешествует в одиночку ночью, не снимая в темноте темные очки (он тогда не догадался, что у нее близорукость, и она пытается это скрыть), все это было настолько странно, что только в последний момент он обратил внимание, что левая рука у нее перевязана. Белая повязка в рассветной полутьме.

– У меня болит рука, – сказала дама. – Отпустите меня. Мне нужен врач.

– Минутку, – сказал Манюэль. – Прошу прощения. Вы пошли к Пако, они подтвердят. Я сейчас им позвоню.

– Это кафе? – спросила дама.

– Точно.

– Они тоже перепутали.

Все замолчали, она смотрела на них, не двигаясь, и если бы можно было увидеть ее глаза, то стало бы ясно, что она просто упорствует, но теперь Манюэль уже понял, что она слегка чокнутая и вовсе не хочет ему нагадить, просто дама с приветом, и все дела. Он сказал очень мягко, даже сам этому удивился:

– У вас утром рука была перевязана, честное слово.

– Но, когда я сюда приехала, повязки у меня не было.

– Не было? (Манюэль вопросительно взглянул на других, но те пожали плечами.) Ну, нам это не бросилось в глаза. И что с того? Я вам точно говорю: утром-то она была!

– Но это была не я.

– Тогда зачем вы вернулись?

– Не знаю. Я не возвращалась. Я не знаю.

У нее снова потекли слезы.

– Отпустите меня. Мне нужно к врачу.

– Я отвезу вас к врачу, – сказал Манюэль.

– Не стоит.

– Я хочу услышать, что вы будете ему рассказывать, – сказал Манюэль. – Надеюсь, вы не собираетесь втягивать меня в какие-то неприятности?

Она покачала головой – конечно, нет, но с раздражением – и поднялась со стула; на сей раз отступили они.

– Вы говорите, что я перепутал, Пако перепутали, все на свете перепутали, – сказал Манюэль. – Я не понимаю, чего вы добиваетесь.

– Оставь ее в покое, – сказал Волю.

Когда они вышли из конторы – она первая, за ней агент по недвижимости, потом Волю и Манюэль, – у бензоколонок уже скопилось несколько машин. Миетта, всегда отличавшаяся медлительностью, бегала от одной к другой, явно не поспевая. Девочка играла с другими ребятами на куче песка возле дороги. Увидев, что Манюэль вместе с дамой из Парижа садятся в старенький «фрегат»^[31], она бросилась к ним, растопырив ручки, все лицо перепачкано.

– Иди играй, – сказал Манюэль. – Съезжу в деревню и вернусь.

Но она стояла возле машины и молчала, пока он заводил мотор. Она не спускала глаз с дамы, сидящей рядом с ним. Когда он поворачивал у колонок, Волю и агент рассказывали о происшедшем собравшимся водителям. Он увидел в зеркало заднего вида, что все смотрят им вслед.

Солнце скрылось за холмами, но скоро должно было показаться снова на другом конце деревни, словно повторяя закатные сумерки. Манюэля тяготило молчание, и он сказал даме, что, наверное, поэтому деревня называется Дё-Суар-лез-Авалон ^[32]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ДЕТЕКТИВЫ
СЕБАСТЬЯНА ЖАПРИЗО

ДАМА
В АВТОМОБИЛЕ,

С РУЖЬЕМ И В ОЧКАХ

Sebastien Jauprizo

ЛИМБУС ПРЕСС

Примечания

1

Бридж-белот – разновидность карточной игры бел от, появившейся в XIX – начале XX века в странах Средиземноморья.
(Здесь и далее примеч. пер.)

[Вернуться](#)

2

С 1943 по 1946 г. больше 20 тысяч женщин во Франции были обвинены в сотрудничестве с оккупантами и наголо обриты. Таково было наказание за то, что они помогали врагу, выказывали симпатии нацистской Германии или просто спали с немцами, что называлось «горизонтальным коллаборационизмом».

[Вернуться](#)

3

Ле-Ман – город во Франции в департаменте Сарт. Вместе с пригородами это один из семи крупнейших по населению городов страны.

[Вернуться](#)

4

Нуайон – город на севере Франции, департамент Уаза.

[Вернуться](#)

5

Кристин «Кики» Карон – французская пловчиха, чемпионка Европы 1966 г., серебряный призер летних Олимпийских игр 1964 г.

[Вернуться](#)

6

14 июля во Франции отмечается национальный праздник – День взятия Бастилии, или День 14 июля, установленный в 1880 г.

[Вернуться](#)

7

Вольтер – французская банкнота в десять франков с изображением Вольтера была выпущена Банком Франции в январе 1964 г. и выпускалась до декабря 1973 г. Она заменила банкноту десять франков с изображением Ришелье.

[Вернуться](#)

8

Кап-д'Антиб – мыс Антиб, один из фешенебельных курортов Французской Ривьеры.

[Вернуться](#)

9

Made in Japan (англ.) – сделано в Японии.

[Вернуться](#)

10

«Европа Один» – частная радиостанция, созданная во Франции в 1955 г., одна из ведущих радиовещательных станций с очень популярными музыкальными и развлекательными программами.

[Вернуться](#)

11

Рубе (*Roubaix*) – город в Северной Франции недалеко от Лилля.

[Вернуться](#)

12

«Бульвар Сансет» (1950) – фильм американского режиссера Билли Уайлдера о трагической судьбе забытых звезд Голливуда. Фильм получил три премии Американской киноакадемии.

[Вернуться](#)

13

Дворец Шайо был построен по проекту Л. Буало, Ж. Карлю и Л. Азема ко Всемирной выставке 1937 г. на месте стоявшего здесь ранее дворца Трокадеро и представляет собой два огромных полукруглых павильона, между которыми находится площадка с видом на Эйфелеву башню. Отсюда также начинается садово-парковый комплекс Трокадеро. Во дворце Шайо расположено несколько музеев: Музей человека, Музей флота, Музей архитектуры.

[Вернуться](#)

14

Citroen DS – автомобиль бизнес-класса, выпускавшийся французской фирмой «Ситроен» в 1955–1975 гг. Его называли «Богиня» из-за того, что сокращение DS (de-es) по-французски звучит так же, как слово «Deesse» – богиня. Помимо необычного внешнего вида автомобиль имел оригинальную гидросистему, он занял третье место на конкурсе «Автомобиль века».

[Вернуться](#)

15

Дигиталис – настой растения наперстянка {лат. digitalis), который замедляет работу сердца.

[Вернуться](#)

16

Улица Фобур-Сент-Оноре – одна из самых роскошных улиц Парижа, на которой находятся магазины известных парижских домов высокой моды. Здесь же расположена резиденция президента Франции – Елисейский дворец, Министерство внутренних дел, художественные галереи.

[Вернуться](#)

17

Tremble (фр.) – осина.

[Вернуться](#)

18

Tilleul (фр.) – липа.

[Вернуться](#)

19

Marronnier (фр.) – каштан.

[Вернуться](#)

20

«Симка»- автомобиль французской компании «Промышленное общество по производству автомобилей и кузовов» (Societe Industrielle de Mechanique et Carrosserie Automobile), сокращенно SIMCA.

[Вернуться](#)

21

Микролитражный автомобиль фирмы «Ситроен» мощностью две лошадиные силы, выпускавшийся с 1949 по 1990 г.

[Вернуться](#)

22

Орлеанские ворота входят в число семнадцати ворот (арок), построенных в XIX веке и соединенных крепостной стеной для защиты Парижа. Стена была разрушена после Первой мировой войны.

[Вернуться](#)

23

Ford Thunderbird – также широко известен под аббревиатурой T-Bird, «Тибёрд» – американский автомобиль класса «люкс», выпускавшийся с 1955 по 2005 г. компанией «Форд». Название модели заимствовано из мифологии североамериканских индейцев. У некоторых племен Громовая птица {англ. Thunderbird) является духом грозы, молнии и дождя.

[Вернуться](#)

24

«Каравелла» – марка французских пассажирских турбореактивных самолетов средней дальности, производившихся с 1955 до 1973 г.; один из первых реактивных пассажирских лайнеров в мире. На этих самолетах летали президенты Франции.

[Вернуться](#)

25

«Дюбонне» – французский аперитив на основе крепленого вина, ароматизированный корой хинного дерева и различными травами. Крепость – 14,8 %. Его изобрел в 1846 г. аптекарь и торговец вином Жозеф Дюбонне, когда правительство Франции объявило конкурс на создание приятного на вкус напитка, содержащего хинин как средство против малярии для французских солдат в Северной Африке. Ароматизированный напиток хорошо скрывал горький вкус хинина. Однажды супруга Жозефа Дюбонне подала напиток друзьям в качестве аперитива, и он стал популярным во Франции. «Дюбонне» был любимым напитком английской королевы Елизаветы, королевы-матери, она добавляла в него джин.

[Вернуться](#)

26

Милли-ла-Форе – живописный городок в 52 км от Парижа.

[Вернуться](#)

27

Отель «Негреско» – знаменитый отель класса «люкс» в бухте Ангелов на набережной Ниццы, символ Лазурного Берега. Он был открыт в 1913 г. и получил название по фамилии своего владельца, румына Анри Негреско.

[Вернуться](#)

28

Шалон-сюр-Сон – город на реке Сона, в департаменте Сона и Луара в южной части Бургундии, к югу от Дижона.

[Вернуться](#)

29

Макон – столица округа Макон в департаменте Сона и Луара.

[Вернуться](#)

30

Манилья – популярная во Франции испанская карточная игра. Играют две команды по два или по четыре игрока.

[Вернуться](#)

31

Автомобиль «рено-фрегат» с кузовом «седан» выпускался во Франции с 1951 по 1960 г.

[Вернуться](#)

32

Deux-Soirs-les-Avallon (фр.) – «Двухвечерний» Авалон.

[Вернуться](#)